K26 8/61
W3.

6.761

И ПРАКТИКА МАРКСИЗМА
СТУПНАЯ СЕРИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С. ШЕВЕРДИНА

М. БРУДНЫЙ

ЗАДАЧИ НАУЧНОЙ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

№ 3

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

690/11

К 26 8/61

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МАРКСИЗМА
ОБЩЕДОСТУПНАЯ СЕРИЯ, ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С. ШЕВЕРДИНА

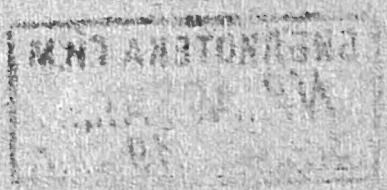
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

331.(01)
Б. 87

М. БРУДНЫЙ

ЗАДАЧИ НАУЧНОЙ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

№ 3



690/1

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1925

Отпечатано в типографии
из-ва МГСПС „Труд и Книга".
Москва, Б. Якиманка, 32

Главлит № 32.361. Тираж 5.000.

БИБЛИОТЕКА Г.И.М
№ 20851
31 XII 1929 г.

Задачи научной истории рабочего движения.

Имеющийся в распоряжении науки чрезвычайно скудный материал о жизни первобытного человечества, необходимость зачастую прибегать к догадкам и гипотезам путем изучения жизни „диких" народов, сохранившихся и в наше время, но, несомненно, так или иначе уже подвергнувшихся влиянию цивилизации,—все это заставляет быть осторожным и писать далеко неполную историю первобытного человечества. Но, несмотря на это, серьезная научная книга по истории доисторического периода есть кусок доподлинной истории человечества. Это потому, что в так называемый доисторический период человечество было социально однородным, не расколотым на классы. Иное дело вся последующая история. Начиная с давних исторических хроник, записей, летописей, через сумбурные исторические повести полу-мифологического, богословского и полу-

историко-описательного характера вплоть до современной исторической науки нет доподлинной истории человечества, а есть лишь история господствующих классов.

При всей разнородности обстановки и исторического материала есть нить, об'единяющая историков античного мира, средневековья и веков капитализма. Все они описывают деятельность и борьбу славных и бесславных полководцев, великих и малых царей, королей и президентов, наконец, борьбу партий, — но всегда и неизменно проходят мимо жизни и борьбы неимущих угнетенных классов общества. Можно смело сказать, что эксплоатируемые производительные классы общества, всегда составлявшие подавляющее большинство человечества и творцы материальных благ, которыми все живут, одним словом, остов, хребет человечества на протяжении тысячелетий— все не заслужили стать об'ектом писанной истории человечества.

Лишь в XIX столетии картина меняется.

Возникновение и рост пролетариата, класса, лишенного собственности на средства производства, юридически свободного от личной зависимости, но во всех этих отношениях порабощенного; сосредоточение ходом экономического развития тысяч и десятков тысяч рабочих в определенных центрах, фабриках и заводах; постоянный рост и обострение классовых противоречий—все, это открывает полосу растущей организованной клас-

совой борьбы рабочих с капиталистическим классом. На разных ступенях развития этой борьбы возникают различные формы организации рабочего класса. Борьба усложняется влиянием и взаимодействием возникших организаций.

Все увеличивающееся значение рабочего движения и растущая организованность пролетариата выдвигают историков различных отдельных ветвей рабочего движения. К нашему времени уже накопилось изрядное количество исследований, посвященных истории рабочего движения в отдельных странах.

Мы имеем книги по истории касс взаимопомощи, тред-юнионов, синдикатов, профсоюзов, политических движений и партий рабочего класса. Но все же у нас нет еще научной истории рабочего движения или, лучше сказать, история рабочего движения еще не введена в научные рамки. В лучшем случае есть только материал для такой науки.

Возникает вопрос: есть ли место для нее? Всякий, кто согласен с тем, что существующая историческая наука имела об'ектом своего исследования лишь историю господствующих имущих классов, должен неизбежно согласиться и с тем, что есть не только место, но и глубокая необходимость в научной истории угнетенных классов вообще и пролетариата в первую очередь.

Правда, будущее принадлежит истории общечеловеческой, истории, которая охватит деятельность всего производственного коллектива. Но эту историю сможет писать только человечество, не раздробленное на классы. Путь же лежит через оформление и научное обоснование истории рабочего класса.

Классовая борьба — исходный пункт истории рабочего движения.

Рабочее движение есть организованное выражение классовой борьбы пролетариата. Немыслимо рабочее движение при отсутствии классовой борьбы, но вполне возможна классовая борьба при отсутствии рабочего движения. И не только возможна, но и действительно так было в историческом прошлом. Рабочий класс возникает в условиях распада помещичье-крепостнических отношений и роста буржуазии в городах. Людской материал, из которого формируется масса пролетариата, — это крестьянство и ремесленники. Распад среди этих общественных групп — основа для возникновения пролетариата. Традиции и психическое отражение условий быта и борьбы этих групп лежат бременем на первых исторических слоях рабочего класса. Сплочение людей в новый класс происходит на почве распада других классов, и само собой разумеется, что в сознании образующегося класса сильны старые представления об отношениях к внешнему миру, привычки и навыки, приобретенные в прежних крестьянских или ремесленнических условиях

бытия. Но эта масса находится уже в новых экономических условиях, и в данном случае сознание отстает от бытия. Тогда возникает конфликт между сознанием, отражающим прошлые условия жизни, и новыми условиями, диктующими другое сознание.

Первые десятилетия истории рабочего класса, это и есть история указанного конфликта, отсюда полоса приспособлений к новой жизни. Стремясь улучшить свое неизмеримо тяжелое материальное положение, рабочий пытается приспособиться к прихотям своего хозяина-капиталиста. Удовлетворяя все требования „кормильца", пролетарий думает достигнуть этим удовлетворения своих требований, вернее, желаний. Это приводит к пассивности рабочего.

Но в то же время все активнее становится капиталист в закабалении эксплоатируемых масс. Вместе с тем соответственно меняется сознание рабочего класса. Условия его экономической жизни беспощадно выкорчевывают все представления об общественных взаимоотношениях людей, представления, порожденные цеховым крепостным бытом. Рассудок новых производственных отношений побеждает предрассудки старого сознания. Рабочий класс вступает в период формирования своего собственного, пролетарского, классового сознания.

У колыбели пролетарского сознания стоит классовая борьба. Пролетарское классовое сознание,

это—совокупность чувств и мыслей об отношениях пролетариата к другим классам общества, о своей собственной роли в историческом процессе и пр. Этот идейный материал порождается данными в известное время производственными отношениями. Но последние являются отношениями не между вещами, а между людьми и внутренне глубоко противоречивы. Эта противоречивость создает борьбу между разными классами, носителями различных сторон производственных отношений. В этой борьбе, в этом столкновении представителей разных классов, пролетариат и черпает свои первые познания из области внутреннего механизма общественной жизни и соответственно им строит свои первые выводы.

Таким образом мы видим, что классовая борьба действительно составляет исходный пункт какого бы то ни было движения среди рабочего класса. Это можно доказать на конкретных примерах: еще до того, как в России возникли какие бы то ни было организации рабочего класса, пролетариат имел зачастую весьма ожесточенные бои с капиталистами. Первые яркие нити пролетарской организованности завязываются у нас в конце семидесятых, начале восьмидесятых годов, а, между тем, рабочая классовая борьба имеет место еще до „освобождения“ от крепостного права. То же самое в других странах, напр., в Англии. Там

разрушители машин, пустившие в ход способы борьбы, неприемлимые для современного рабочего сознания, были, конечно, классовыми борцами, а движение это, как известно, имело место до возникновения хотя бы первычных форм организации английского рабочего класса. Таких примеров можно привести много. Все они подтвердят, что организованному рабочему движению предшествует классовая борьба, что рабочее движение тогда только возникает, когда сама классовая борьба принимает организованные формы.

Характер предшествующей классовой борьбы знаменуется стихийностью. Этой стихийности в свою очередь соответствуют лишь оборонительные формы борьбы. Работницы табачной фабрики Шапшал жили в тягчайших условиях. Эти жестокие условия экономического существования давят на сознание работниц и накапливают в неисследованных подземельях сознания элементы противовеса существующим условиям. Но наружу еще не выявились результаты этой „подземной работы". Работницы не обнаруживают никаких признаков протеста. Но проследим за ними дальше. В какой-нибудь светлый, а, может быть, пасмурный день работницы, придя на работу, читают об'явление о том, что заработная плата снижается, напр., на 1 копейку с каждой тысячи папирос. В тот же день работницы бросают работу и пред'являют капиталисту требование восстановить старые условия. Вот пример стихий-

ной и вместе с тем оборонительной классовой борьбы. Само собою, что с дальнейшим развитием имели место оборонительные формы борьбы и при отсутствии стихийности, т.-е. действительность знает оборонительную борьбу без намека на стихийность, но всякая стихийная борьба неизбежно должна быть оборонительной.

Стихийная классовая борьба непосредственно и подготовляет следующие за ней организованные формы борьбы, т.-е. рабочее движение как таковое. Но не только в начале рабочего движения сказывается определяющее влияние классовой борьбы. Нет, классовая борьба пропитывает все дальнейшее развитие движения рабочего класса. Все ветви развития рабочего движения со всеми различиями в своих программах и своей деятельности носят на себе печать различных ступеней и различных моментов классовой борьбы. Порождены классовой борьбой и те организации рабочего класса, которые отрицают классовую борьбу. Мало того, само это отрицание, в своей программе, классовой борьбы—прямой результат известного соотношения сил в классовой борьбе. Что такое, например, в действительности нынешняя социал-демократия, всей своей практикой отрицающая классовую борьбу, или ряд профорганизаций, принципиально ее отвергающих? Все эти организации развились при условиях такого соотношения классовых сил, которое было всецело на

руку буржуазии. А какое колоссальное значение в существовании этих организаций играет формирование слоя рабочей аристократии, лучше оплачиваемого буржуазией? Слоя идеологов рабочей аристократии—прямых агентов капитала? Одним словом, и для периода высоко-развитого рабочего движения, при существовании ряда рабочих организаций, прямо отрицающих классовую борьбу,—для всего рабочего движения в целом определяющим моментом всегда остается классовая борьба.

В другой главе укажем на закономерность в развитии рабочего движения и на причины, определяющие ее. Забегая вперед, заметим, что при последовательном чередовании различных этапов, в поисках причин этой последовательности, мы неизменно вынуждены обращаться к классовой борьбе. Рассмотрим хотя бы один такой момент. В течение десятков лет английский рабочий класс строил свои элементарные экономические организации. Это были организации классовой экономической борьбы, возникавшие непосредственно на почве тяжелых материальных условий. Чрезвычайно низкий уровень заработной платы, рабочий „день“, начинающийся гораздо раньше начала дня и кончающийся гораздо позже его окончания, придирчивость и притеснения фабричной администрации заставляли рабочих искать средство улучшения своего быта. Путем многолетнего развития, проходя через ряд первич-

ных ячеек экономической борьбы, английский пролетариат к началу прошлого века начинает создавать свои профессиональные организации. Более высокая степень развития рабочего движения, выраженного в профсоюзах, сравнительно со степенью этого развития, выраженного в предшествующих профсоюзам организациях, об'ясняется результатами классовой борьбы, завоеваниями от одного этапа до другого. Но и этими достигнутыми результатами дело не исчерпывается. В 1833 году создается общенациональный союз всех тред'юнионов. В следующем, т.-е. 34-м году союз предпринимает генеральную забастовку против капиталистов, выдвигая ряд экономических требований. Эта забастовка подавляется помощью либерального министерства лорда Мельбурна. Это было тогда наиболее значительным вмешательством буржуазного государства в распрю рабочего класса с капитализмом, но, конечно, не первым. И гораздо раньше английские рабочие были свидетелями неоднократного вмешательства правительства в экономическое движение рабочих. Всякий раз, когда экономическое движение пролетариата возростало до размеров, внушающих опасения за благополучие капиталистов, вооруженная сила буржуазии не заставляла себя долго ждать. Такие факты неизбежно должны были отозваться в сознании рабочих масс. Последние все более начинают убеждаться в тесной связи, существующей между экономическим гнетом ка-

питализма и его политическими орудиями. Отсюда недалеко до вывода, что одной экономической борьбой рабочий класс не сможет улучшить сколько-нибудь радикально и значительно свое экономическое положение, что эта борьба, при ее ограниченных средствах, всегда найдет непреодолимое препятствие в политической силе капитализма.

Поражение генеральной забастовки 1834 года, поражение, вызванное вмешательством государства, переполняет чашу. Передовые слои английского пролетариата приходят к окончательному выводу о необходимости политической борьбы. Через пару лет это длительное накопление опыта классовой борьбы дает свои результаты. Начинается полоса чартизма. Последний, несомненно, являет собою опыт борьбы рабочего класса за политическую власть.

Что показывает разобранный пример?

— Профсоюзы, — сами результат предшествующей им классовой борьбы, и организованное выражение продолжающейся классовой борьбы, но уже более усложненной, в свою очередь, приводят к новым еще более развитым формам классовой борьбы. То же самое мы наблюдаем и в отношении других форм организации рабочего класса.

Рабочее движение, порождаемое классовой борьбой, в свою очередь, способствует ее обострению. На всеоб-

щее распространение профсоюзов в период российской революции 1905—6 гг. капиталисты отвечают созданием союза предпринимателей.

Наконец, в ту же точку упирается рабочее движение на вершине своего развития. Устанавливая свою диктатуру, рабочий класс лишь иными средствами продолжает классовую борьбу.

Отсюда вытекает первый основной вывод для того, кто хочет научно об'яснить историю рабочего движения, вывод, сводящийся к следующему: развитие рабочего движения следует рассматривать под углом зрения развития классовой борьбы пролетарских масс. Каждая форма организации рабочего класса есть не что иное, как сгусток опыта борьбы, собранные в узелок психические отражения этой борьбы. Каждый этап в истории рабочего движения есть лишь известная организационная веха на большой дороге классовой борьбы.

Подобный классовый подход к своей истории не нов. Когда буржуазия встала вплотную перед проблемой власти и когда она только что завоевала власть, ее историки стояли на ярковыраженной классовой точке зрения. В 1818 году Огюстен Тьерри писал: „Кто из нас слышал о том классе людей, который сохранил для человечества промышленное искусство и привычки к труду во время наводнения Европы варварами. Постоянно подвергаясь притеснениям и грабежу со стороны своих победителей и повелителей, эти

люди вели тягостное существование, получая в вознаграждение за свой труд лишь сознание того, что они поступают хорошо и сохраняют цивилизацию для своих детей и для всего мира. Эти спасители наших искусств были нашими отцами. Мы—дети тех крепостных, тех данников, тех буржуа, которых беспощадно попирали завоеватели... Только тридцать лет тому назад[1]) мы вспомнили, что наши отцы составляли нацию". И дальше идет в том же духе восхваление буржуазии—спасительницы всех искусств и промышленности. Тьерри считает необходимым дать портрет этой буржуазии и написать ее историю во всех подробностях.

Плеханов, у которого мы черпаем нашу ссылку на буржуазных историков, по этому поводу замечает вот что: „Во время реставрации, буржуазия, отстаивавшая свои социально-политические завоевания от настойчивых посягательств со стороны приверженцев старого порядка, хотела слышать рассказ об ее собственных детских и юношеских годах, и ее ученые представители принялись писать для нее назидательное и интересное повествование о притеснениях, которым она некогда подверглась, об ее усилиях завоевать себе лучшую долю и об ее успехах в борьбе против протеснителей. Так создалось новое направление в исторической нау-

[1]) Т.-е. в годы великой французской революции.

ке, представлявшее собою огромный шаг вперед в ее развитии“ [1]).

Тьерри и другие буржуазные историки не ограничивались писанием истории своего класса и его восхвалением, они непосредственно выводили эту историю из классовых интересов и классовой борьбы. Минье говорит: „Наиболее многочисленные и наиболее сильные интересы диктуют законы и достигают своей цели“. „Общественное движение определяется господствующими интересами. Движение это стремится к своей цели посреди разных препятствий, останавливается, раз достигнута эта цель, и уступает место другому движению, которое сначала остается незаметным и обнаруживается только тогда, когда делается преобладающим“. Читатель может быть введен в заблуждение, думая, что это говорится о настоящем времени, настолько правильно и научно здесь выражена мысль о смене общественных движений. Если бы слова о том, что „одно общественное движение уступает место другому движению, которое сначала остается незаметным и обнаруживается только тогда, когда делается преобладающим“, были направлены по адресу пролетариата — они явились бы прямо пророческими.

Но, конечно, нет. Здесь подразумевается движение буржуазии, сменяющее феодальную ари-

---

[1]) Г. Плеханов.— Предшественники Маркса и Энгельса. (Курсив наш.)

стократию. Все же и в этом смысле взгляд этот представляет большой интерес для характеристики исторической науки буржуазии, когда она была революционной и прогрессивной.

Той же точки зрения придерживался Гизо: „чтобы понять политические учреждения, надо изучить различные слои, существующие в обществе и их взаимные отношения". Идея классовой борьбы пронизывает исторические сочинения Гизо. Английская революция представляется ему борьбой между аристократией и буржуазией.

Но все это до поры до времени.

Точка зрения непреложности классовой борьбы была выгодна буржуазии в тот период, когда она сама возглавляла эту борьбу, когда эта борьба велась ею в ее же кровных интересах. Для того, чтобы свергнуть власть феодальной аристократии, чтобы расчистить путь свободного развития капитализма — выгодно было проповедывать классовую борьбу, привлекать в ее лоно большие массы. Но времена изменились. Буржуазии, благодаря самоотверженности и геройской борьбе обманутых ею угнетенных масс, удалось свергнуть власть феодальной аристократии. Ей удалось и отстоять свой новый буржуазный режим против поползновений сторонников старого порядка. Возникло новое взаимоотношение классов. Буржуазия из господствующего слоя в „третьем сословии" превратилась в господствую-

щий класс общества. В борьбе против гнета третьего сословия было уничтожено разделение сословий вообще. Тем самым рельефнее дифференцировались, размежевались, стали по своим местам классы. Пролетариат вышел из личинки сословной опекаемости и стал играть самостоятельную роль. Неудовлетворенный результатами буржуазной революции, он начал пред'являть свои собственные требования. Это показала революция 48-го года. Вместо того, чтобы поддерживать классовую борьбу буржуазии против феодалов, рабочий класс ведет сам классовую борьбу против буржуазии.

Тогда буржуазные идеологи начинают бить отбой. Классовая борьба, направляемая против буржуазии, само собой, последней не выгодна. Тем самым и буржуазная наука перестает о ней говорить. Вот что для этого времени говорит тот же Гизо: „Дворянство и третье сословие, аристократия и демократия, буржуазия и работники, собственники и пролетарии,—все это лишь различные формы и различные фазы социальной борьбы, от которой мы так долго страдаем....это бич, это стыд, недостойный нашего времени. Внутренний мир, мир между различными классами граждан, социальный мир — это самая важная потребность Франции, это крик спасения". Точно также изменяют свои взгляды на классовую борьбу в истории и дру-

гие буржуазные идеологи, в соответствии с изменившимися условиями.

Здесь мы видим глубокую принципиальную разницу между отношением пролетариата к идее классовой борьбы и отношением к тому же со стороны буржуазии. Историческая наука буржуазии привержена идее классовой борьбы только в период возникновения политической власти капиталистов. В следующие же периоды развития и, наконец, агонии своего государства, она все более открещивается от идеи классовой борьбы. У пролетариата как раз наоборот. С течением времени он все резче и рельефнее формулирует идею классовой борьбы, как основную нить всеобщей и своей собственной истории. Эта разница непосредственно вытекает из различия между положением пролетариата и буржуазии в основном моменте их истории — захвате политической власти. В то время, когда целью захвата политической власти буржуазией является развертывание своего классового могущества,—целью захвата политической власти пролетариатом является уничтожение классов, в том числе и собственного класса. В силу этого буржуазия до конца своих дней стремится затушевать классовые противоречия, чтобы под громкими словами о человечестве, социальном мире, единстве людей и классов — пожестче эксплоатировать класс пролетариата. Пролетариат же неу-

станно разоблачает эти проделки буржуазии, подчеркивает классовые противоречия, обостряет их, чтобы тем скорее уничтожить классы. Оттого буржуазия неспособна сказать правду о самой себе, пролетариат же анализирует все свое прошлое, настоящее и возможное будущее под углом зрения классовой борьбы.

Идея развития в истории.

Идея развития, — как, впрочем, и целый ряд других идей, — имела превратную судьбу. Родившись в недрах революционной стихии, разрывавшей оболочку вековых жизненных устоев, она, прихотью диалектики, стала столпом реакционных движений. Отражая при своем возникновении прогрессивные тенденции, толкая в своей молодости движение новых классов вперед, она, старчески дряхлая, переходит на содержание беззубых классов, уходящих с общественной арены под флагом эволюции и прикрывающих свою немощь искаженной идеей развития.

Веком наибольшего распространения идеи развития можно считать XVIII век. И прежде мыслители время от времени становились на почву идеи развития, но тогда эта идея, задернутая религиозным флером, приспосабливаемая к религиозному мировоззрению, которое ищет всюду промысел божий, — не могла стать стимулом для мощного продвижения вперед. До тех пор, пока человеческая мысль не покончила всех счетов с религией в какой бы то ни было форме, — идея

развития неизбежно корчилась во внутренних противоречиях и не в состоянии была изгнать своего антипода[1])— теорию круговращения, излюбленное детище примитивной человеческой мысли.

Теория круговращения,—смысл которой вкратце можно выразить Соломоновым изречнием: „Нет ничего нового под луной“,—как нельзя лучше соответствует ранним ступеням человеческого сознаниия, неспособного еще зафиксировать и обобщить рост производительных сил, процесс накопления мертвого труда, труда прошлых поколений в виде материального богатства.

Эта теория, рассматривающая человеческую историю под углом зрения известной сказки про белого бычка, как нельзя лучше укладывается в рамки религиозного мировоззрения, представляющего, также как и сама теория круговращения, застывший примитив сознания. Незыблемой основой религии, как и основным содержанием теории круговращения, является представление об известных границах и пределах исторического процесса, дальше которых историческая жизнь не может развиваться. Обратный этому смысл идеи и развития в своем чистом виде. И она предполагает исторические грани, но отбрасывает исторические границы. Ее основой является представление о непрерывающемся росте и развитии производительных сил. Но в течение веков, как

---

[1]) Противоположность.

уже было замечено, идея развития гнездилась на задворках религиозного миросозерцания и поэтому, независимо от субъективного представления мыслителей, идея развития в том виде, как она намечалась ими, неизбежно упиралась в ими же отвергаемую теорию круговращения.

Аврелий Августин (354—430), которого иные несправедливо, по нашему мнению, считают первым „философом истории", писал: „Род человеческий, представляемый народом божиим, может быт уподоблен одному человеку, воспитание которого происходит по ступеням. Последовательность времен была для этого народа тем же, чем бывает последовательность возрастов для единицы и он постепенно мало-по-малу возвысился от временных предметов к вечным и от видимого к невидимому." В другом месте он же говорит: „Разве ум человеческий не изобрел бесчисленного множества искусств, которые показывают, что столь деятельные, столь сильные, столь широкие способности, даже по отношению к вещам, излишним или вредным, должны иметь хорошую основу в своей природе, дабы иметь возможность изобрести все это? До чего не доходит уменье людей в искусстве приготовлять ткани, воздвигать здания, обрабатывать землю, плавать по морю... Сколько примеров и средств, чтобы ловить, убивать или укрощать диких зверей. Сколько изобрели люди против людей же ядов, видов оружия, машин... Какое разнообразие знаков, чтобы выражать и сообщать свои мысли, и на

первом месте речь и письмо... Какое удивительное знание измерений и чисел. Какая проницательность в открытии гармонии и обращении небесных тел. Наконец, кто мог бы предсказать все знания, которыми обогатился человеческий ум касательно естественных вещей, особенно, если бы пожелал остановиться на каждой в отдельности, вместо того, чтобы брать их все сообща?" В приведенных выдержках автор их не только восхищается постоянным умственным совершенствованием, прогрессом знаний, но и видит во всей истории народа „последовательность времен" и „возвышение от временных предметов к вечным и от видимого к невидимому." Это дало возможность ряду историков философии истории отнести блаженного Августина к первым сторонникам идеи прогресса в противовес теории круговращения. Так В. Герье пишет: „Усматривая в истории человечества эволюцию, Августин, несомненно, вносит в представление об истории идею прогресса... Это особенно вытекает из полемики Августина против принципа круговращения, которого держались неоплатоники, его учителя в философии". [1])

На деле же весьма нетрудно доказать шаткость идеи прогресса у Августина, как и у позднейших мыслителей, не прерывавших связь с религией. Аврелий Августин жил в эпоху ожесточенной

---

[1]) В. Герье. Философия истории от Августина до Гегеля.

борьбы христианства с язычеством и сам, несмотря на то, что отец его был язычником, принял крещение. Неудивительно, если его внимание фиксировало развитие вообще. Такая крупная идейная революция, как переход от язычества к христианству, достаточный повод для утверждения идеи развития вообще. Но не в этом сущность идеи прогресса и развития. И сторонники теории круговращения не могли не видеть, что жизнь развивается. Принципиальное расхождение между теорией круговращения и идеей развития лежит не в этой плоскости, а в том, что для первой— исторический процесс есть чередование периодов под'емов и упадка при сознании предельности исторического развития, в то время как для второй исторический процесс бесконечен, беспределен.

В этом отношении характерно сравнение Августином хода развития человечества с развитием отдельного человека. Да и на всю историю „бл. Августин смотрит как на осуществление плана искупления человеческого рода от первородного греха, и история делится у него на три последовательные царства: природы, закона и благодати". [1])

Это есть ничто иное, как известным образом модернизированная теория круговращения. Нам думается, что и в течение многих последующих веков философия истории, вопреки ряду ценных

---

[1]) Н. И. Кареев.— История с философской точки зрения.

достижений, в основном, в самом главном, модернизировала теорию круговращения.

Мы нарочно долго останавливались на Августине, чтобы на его примере доказать как идея развития, комбинируемая с религиозным представлением жизни, упирается в свою противоположность — теорию круговращения. Другая сторона вопроса состоит в том, что идея развития с первого момента своего возникновения связана с теми или иными материальными и умственными революциями. В том виде, в каком она предлагалась Августином, она также обязана умственной революции своего времени.

Интересны также попытки приложения идеи развития к судьбам религии. Гуго [1]) говорит, что и ангелы постоянно совершенствуются. Гуго в XII веке и Фома Аквинский в XIII веке считали совершенствование общим законом всех вещей. По их мнению, откровение развивалось постепенно в зависимости от отдельных эпох с их неодинаковыми требованиями. Евангелие же, представляющее из себя, по мнению верующих, завершение этого развития, открывает зато широкий простор для развития в понимании его.

Полный возврат к теории круговращения мы находим у итальянского политика XVII века Маки-

---

[1]) Hugo de St. Victor, Гуго, настоятель аббатства св. Виктора (в Париже), знаменитый мистик, основоположник так наз. Сенвикторского мистического богословия.

авелли. В своей книге „Рассуждение о первой декаде Тита Ливия“ он говорит: „Я не могу не удивляться и не скорбеть, когда вижу, каким уважением пользуется древность, и как часто обломок древней статуи покупается за большую цену, для того, чтобы иметь его при себе, украшать им свой дом, дать возможность подражать ему тем, кто посвятил себя искусству, и как потом эти последние стараются всеми силами воспользоваться им во всех своих произведениях, и когда я вижу, с другой стороны, как самые доблестные подвиги, которые, как показывает нам история, совершены государствами и древними республиками, царями — предводителями, гражданами, законодателями и другими людьми, понесшими много трудов на пользу своего отечества, — служат более предметом удивления, чем подражания (к. н.), и что даже всякий избегает их, так как от древней доблести не осталось никакого следа. Особенно же становится это прискорбным, когда я вижу, что в тяжбах, которые происходят между гражданами, и в болезнях, которым подвергаются люди, постоянно прибегают к тем решениям и к тем лекарствам, которые уже определены и указаны древними; во всем же, что касается до устройства республик, до поддержания государства или управления его, что касается до устройства войск, до образа ведения войны, до суда и расправы над подданными, до средств увечилить государственную власть, — нет ни госу-

даря, ни республики, ни предводителя, ни гражданина, которые брали бы пример с древних... Отсюда происходит, что большинство читателей находит удовольствие в разнообразии тех случаев, о которых повествует история, и не думают о подражании им, считая подражание не только трудным, но и невозможным, как будто небо, солнце и стихии, люди изменились в своем движении, в своей природе, и в своем могуществе против того, чем они были прежде" (к. н.).

Чтобы напомнить о неизменяемости людей, представитель XVI века не мог придумать более грозного сравнения, как „небо, солнце, стихии, люди". Каково же было бы изумление Макиавелли, если бы он воскрес в XX веке и увидел бы „будто небо, солнце, стихии и люди (действительно — Б.) изменились в своем движении, в своей природе и в своем могуществе, в сравнении с тем, чем они были прежде". Но это между прочим.

Макиавелли был крупнейшим политиком. В изучении истории он видел непосредственную пользу. История для него — политический урок. В его сочинениях ряд чрезвычайно интересных мыслей и, быть может, заметим в скобках, макиавеллизм, признанный синонимом коварства, будет когда либо переоценен в более положительном смысле. Быть может, в Макиавелли увидят первого политика, обосновывающего политику историческими данными и средствами науки своего времени. Но

несомненно, что если Макиавелли политику усиливает историей, то историю он ослабляет политикой. Если исторические повести превращаются в его руках в политическую науку, то вместо исторической науки он создает политические повести. Для того, чтобы развить политику, он изгоняет идею развития из истории. Макиавелли горячо призывает к подражанию древним, что ведет в политике к изучению древних, в то время как для истории он заменяет это изучение записями подражаний. В тех же „Рассуждениях" Макиавелли говорит: „Умные люди думают и не случайно и не без оснований, что кто хочет знать будущее, пусть познает, что было в прошлом, ибо все, что совершается на свете, всегда сходно с тем, что было в древние времена" (к. н.). Очевидно, что Макиавелли возвращается к теории круговращения в истории.

Последним представителем той же теории для докапиталистической эпохи является Джианбатиста Вико (1668—1744). Его основной труд „Новая наука" был опубликован им в 1725 г. Вико формулировал основной исторический закон, заключающийся в том, что все народы проходят одинаковый исторический путь независимо от какого бы состояния дикости, варварства они не начали свой путь к цивилизации.

„Морган, вероятно, не знал Вико, но и он пришел к тому же закону, только формулировал его в более положительной и совершенной форме.

Единообразие различных народов, которое неаполитанский философ выводит из того положения, что все народы развиваются по одному предначертанному плану,—американский антрополог сводит к двум причинам: к духовному сходству людей и к однородности препятствий, которые им приходится преодолевать в своем общественном развитии... Маркс, изучивший путь „экономического“ опыта, подтверждает идею Моргана. — „Страна, промышленно более развитая—говорит он в предисловии к „Капиталу“,—показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего“... Исследования, ведущиеся уже столетие —о диких племенах, об античных и современных народах,— блестяще доказали правильность закона Вико“ [1]).

Все же, вопреки тем успехам, которые были достигнуты Вико в формулировке исторических законов, он не продвинулся ни на один шаг в обосновании исторического процесса в целом. Общая историческая схема Вико представляется следующим образом. История делится на три периода: богов, героев и людей. Третий период характеризуется наивысшим развитием цивилизации и ему соответствует демократическое устройство. Но этот порядок недолговечен. В условиях свободы и демократии начинается разгул страстей; водворяется анархия и междуусобные войны. От-

---

[1]) Поль Лафарг — Экономический детерминизм Карла Маркса. Изд. „Московский Рабочий“.

сюда возможны три исхода. Первый заключается в том, что из среды народа, ввергнутого в анархию, выделяется один способный и сильный человек, который уничтожает демократию и кладет начало монархии. Если такой человек не находится, тогда народ подвергается нападению и завоеванию соседей. Они делают то, что должен был сделать один человек. Если же и второй исход не удается и завоеватели не в состоянии ничего сделать, тогда приходит на помощь провидение, чьи средства само собой не ограничены. Боженька, вероятно, сердитый, исходит в данном случае, по мнению Вико, из принципа, чем хуже, тем лучше. Опустошаются поля, еще хуже прежнего разгораются страсти, начинается кровопролитие, одним словом: по божеской воле — гражданская война. Это приводит к тому, что люди опять впадают в состояние дикости. У этих новообращенных дикарей возвращается прежняя простота нравов, наивность, легковерие и они делаются способными вновь внять голосу бога, на этот раз более милосердного. Снова водворяется религия—виновница цивилизации, по мнению Вико, и вновь начинается цикл прежнего развития. Таким образом, мы видим, что Вико всецело стоит на точке зрения постоянного круговращения.

Мысли Вико важны для нас по двум причинам. Во-первых, Вико жил на рубеже феодально-крепостнических и капиталистических отношений. В его приверженности теории круговраще-

ния слышен голос средневековья, уходящего в прошлое. Он смотрит на исторический процесс глазами господствующих классов феодальной эпохи. Эти классы не могут не видеть в крахе своего господства крах всей цивилизации. Уходящий класс органически не способен смотреть вперед. Более того, в период старческой дряхлости классом овладевает мания величия. Пределы своего собственного развития он принимает за пределы исторического развития. Вико и является по нашему свидетелем того, что точка зрения теории круговращения в период переходный от феодализма к капитализму есть ни что иное, как отраженное сознание распада господствующих классов феодальной эпохи. Во-вторых, мысли Вико важны для нас потому, что слабые места его „Новой науки“ делаются „сильным“ козырем буржуазных историков нашего времени. Подробнее займемся этим в последущем изложении. Заметим лишь, что выяснение социальной подоплеки точки зрения постоянного исторического круговращения у Вико чрезвычайно помогает нам в понимании того же у историков современников переходной эпохи от капитализма к коммунизму.

Огромный размах приобретает идея развития с началом капиталистической эры. Возникновение капитализма связано с крупнейшими промышленной и политической революциями. Со одной стороны, ряд новых технических изобретений, введе-

ние машинного способа производства, производящее переворот в экономической жизни народов, а с другой — политическая революция, низвергающая власть феодальной аристократии и приводящая к власти молодой класс, буржуазию, — послужили главнейшим источником для могучего развития идеи прогресса. Точно так же, как эпоха застоя или упадка порождает мыслителей, рассматривающих исторический процесс под углом зрения чередований периодов под'ема и упадка и общего исторического круговращения, так эпоха революций и больших переворотов в различных областях жизни порождает мыслителей, рассматривающих исторический процесс под углом зрения непрерывного его развития.

Изменение производственных отношений, воплощаемое переходом политической власти к новому классу, является слишком ярким свидетелем эмпирического развития, чтобы не послужить огромным толчком для идеи развития.

И действительно, во второй половине XVIII и в XIX веках появляется ряд мыслителей, пламенных сторонников идеи беспрерывного исторического развития. Одновременно естественные науки дают ряд блестящих доказательств непрерывного развития во всем органическом мире. И на самом деле, очень трудно сказать, что тогда преобладает: вывод идеи развития из многочисленных открытых фактов развития, или ряд удачных исследований в глубь истории и природы, исхо-

дя из идеи развития. Так или иначе, если во второй половине XVIII века и в XIX веке сильно обогатилась наука и выросли ряд новых научных дисциплин, то, несомненно, в огромной мере мы обязаны этим идее развития, положенной в их основу. Действительно, состояние жизни—это ее „неустойчивость"; она постоянно развивается, изменяется, и человек, исследующий ту или иную область жизни не под углом развития, похож на астронома, рассматривающего небесные светила через трубу своей печки.

В особенности это касается истории. Что такое действительная история, если не фиксирование беспрерывного развития. Задача историка лишь в научном обосновании этого развития, в том, чтобы найти причины и следствия, в том, чтобы непрерывную цепь исторического развития включить в рамки закономерного последовательного процесса развития.

Историк, не усвоивший идей развития, может быть только летописцем, хроникером большой газеты, охватывающей полосу исторической жизни. Различные исторические хроники, записи, летописи сослужили нам большую пользу, но они являются только подготовительным сырым материалом для грядущей после них исторической науки. Последняя требует своим необходимым условием выработку взгляда на исторический процесс с точки зрения его непрерывного развития и причинное об'яснение этого развития. Начало капиталисти-

ческой эры со всеми революционными последствиями в мозгах современников кладет основание сильному развитию науки вообще и исторической в частности.

Своеобразным предвестником и свидетелем новых веяний в философии истории, отражающих поступательное движение капитализма, является канцлер английского короля Якова 1 Франциск Бэкон (1561-1626). Восхищенный еще первыми робкими шагами новой техники: книгопечатанием, компасом и порохом, он возводит изобретения в исходный пункт всех своих размышлений о судьбах исторического процесса. „Изобретение есть вторичное творение; оно подражает делам творца". Изобретения сулят человечеству настоящее усовершенствование и являются причиной постоянного роста богатства. Изобретателям необходимо оказывать всяческие почести. Бэкон ставит целью науки создание искусства изобретать. Изобретения должны совершаться не случайно, а систематически и непрерывно. В этом, по мнению Бэкона, залог развития людей. У Бэкона мы находим первые зародыши научного монистического понимания идеи развития. Это понимание, гораздо позже формулированное марксизмом и заключающееся в идее развития, выводимой из непрерывного роста материальных производительных сил, имеет в известной степени в Бэконе своего предшественника. В этом отношении крайне характерны следующие его рассуждения.

В истории бывают троякого рода честолюбцы. К первой относятся люди, стремящиеся увеличить свою власть в стране. Для них Бэкон не жалеет черных красок. Они низки, подлы и недостойны. Ко второй группе честолюбцев относятся люди, стремящиеся увеличить власть своего народа над другими народами, для них у Бэкона,—говоря языком большевистской классификации красок,— в запасе краски бледно, весьма бледно - розового цвета; этого рода честолюбцы стоят выше первых, но все же не совсем достойны. К третьему виду честолюбцев принадлежат люди, стремящиеся увеличить власть человека над материальной природой. Их Бэкон раскрашивает в ярко-красный цвет. Эти люди возвышенные и достойные всего. Подойдя близко к материалистическому обоснованию идеи развития, Бэкон также предвосхитил и другое положение, чрезвычайно важное для исторической науки, без которого, собственно, невозможна историческая наука. Это положение, выраженное Бэконом весьма образно, восстает против хроникерского характера истории. Он говорит: „Науки до сих пор были обрабатываемы или эмпириками, или догматиками. Эмпирики, как муравьи, умеют только накоплять все в кучу и потребляют все сами на месте. Догматики, на подобие пауков, ткут ткань из самих себя. Процедура у пчелы занимает среднее место между ними; она собирает, как муравей, свой материал на цветах садов, на полях, но она

его преобразует и дисциплинирует в силу прирожденной ей способности. Таков образ истинной работы философии, которая не считает, как паук, сама себя источником познания, или, как муравей, не ограничивается наносом в нашу память множества опытных фактов, но влагает их в наш дух видоизмененными и преобразованными (к. н.).

„Надо ожидать великого от соединения этих двух методов, опытного и рационального, соединения, до сих пор еще не встречающегося".

Эти два момента, лишь намеченные у Бэкона — мыслителя старейшей родины капитализма—получили свое сильнейшее развитие во второй половине XVIII и в XIX веках, когда капитализм распространился по всей Европе. Гердер (1744—1803), впервые выступивший с попыткой систематической философии истории, особенно большое значение придавал научному об'яснению всей цепи исторического развития. Будучи религиозным, он все же не считал возможным об'яснять отдельные исторические события волей провидения. „В изложении истории,—говорит он,—нужно приближаться по возможности к истине; в понимании и обсуждении ее нужно доискиваться полнейшей связи явлений и никогда не об'яснять явления, которые существуют или действительно случились, посредством другого неизвестного (к. н.). Вследствие этого мы особенно

и прежде всего будем остерегаться, чтобы не видеть в явлениях истории выражения сокровенного и неизвестного нам мирового плана или даже(?!) магического влияния неизвестных духов, о которых никто и не решается упомянуть при об'яснениях явлений природы. Почему Александр Македонский отправился в Индию? Потому что он был Александр, сын Филиппа, и вследствие характера своего народа, своего собственного характера и возраста, чтения Гомера и проч., ничего лучше не придумал. Если мы будем приписывать быстрое решение его намерениям верховной силы, а смелые подвиги его—помощи фортуны, тогда мы подвергнемся опасности об'яснить самые непростительные, безрассудные поступки его божественной волей и уменьшать, с другой стороны, его собственную отвагу и военные способности, и вообще лишим целое явление настоящего его значения. Кто в естественной истор и стал бы мечтать, что невидимые духи румянят розу или опускают в ее чашечку серебряную росу, что маленькие духи света поселяются в теле светлячка или играют на хвосте павлина, тот может быть искусным поэтом, но никогда он не отличится ни как естествоиспытатель, ни как историк".

Век поступательного капитализма молодой буржуазии дал ряд блестящих мыслителей и философов, научно обосновавших идею развития в историческом процессе и искавших об'яснение законо-

мерности этого развития. Но законченное, завершенное и вместе с тем наиболее выпуклое выражение идея развития получила у Гегеля. Гегель смотрел на все вещи с точки зрения их „становления". Каждое общественное явление одновременно переживает „двойной" процесс: отживает старое и нарождается новое. Глубина статики в ее динамичности. Развивая себя, явление развивает и свою противоположность. „Диалектика,—говорит Гегель, — составляет... душу научного исследования и является единственным принципом, с помощью которого содержание науки получает имманентную (внутреннюю) связь и необходимость... Уклонение от абстрактно-рассудочных определений кажется нашему обычному сознанию заповедью простого благоразумия,—по правилу: живи и жить давай другим, при чем все представляется одинаково хорошим. Но суть дела заключается в том, что конечное ограничивается не только извне, а должно быть уничтожено и перейти в свою противоположность, в силу своей собственной внутренней природы".

По Гегелю история есть „изложение и осуществление всеобщего духа". Развитие этого всеобщего духа происходит по ступеням. Каждой ступени соответствует только ей свойственный принцип. В этой сумме идей есть, несомненно, законченное понимание идей развития. Конечно, необходимо отбросить „всеобщий дух", но и если снять этот идеалистический флер, система не

теряет в своей цельности. История в представлении Гегеля не есть голое нагромождение эпох, периодов, исторических событий и фактов, она — единый процесс, имеющий „имманентную связь“ и развивающийся по ступеням. Гегель владел и обосновал диалектический метод, как никто иной до него. Это и дало ему возможность лучше всех предшественников обосновать идею развития. Но Гегель не только вносит живительный дух диалектики в идею развития, он также настойчиво указывает на неизбежные в развитии скачки. „Изменения бытия,—говорит он,—состоят не только в том, что одно количество переходит в другое количество, но также и в том, что количество переходит в качество и наоборот; каждый из переходов этого последнего рода составляет п е р е р ы в постепенности и дает явлению новый вид, качественно отличный от прежнего. Так, вода при охлаждении твердеет не постепенно, а сразу; уже охладившись до точки замерзания, она остается жидкостью, если только сохраняет спокойное состояние, а тогда достаточно маленького толчка, чтобы она вдруг сделалась твердой... В мире нравственных явлений имеют место такие же переходы количественного в качественное или, иначе сказать, различия в качествах и там основываются на количественных различиях. Так, н е м н о ж к о м е н ь ш е, н е м н о ж к о б о л ь ш е составляет ту грань, за которой легкомыслие перестает быть легкомыслием и превращается в нечто совсем дру-

гое, в преступление... Так, государства при прочих равных условиях получают различный качественный характер, лишь вследствие различий в величине. Данные законы и данное государственное устройство приобретают совершенно другое значение с расширением территории государства и численности его граждан".

Гегель не только в известном смысле подытоживает всю предшествовавшую ему философскую мысль, но и сам является настоящим итогом первого периода капитализма, породившего класс буржуазии, итогом, отраженным в философии истории. Буржуазия, родившаяся из недр феодального строя и призванная его уничтожить, сама является „вещественным доказательством" диалектического развития. Играя тогда неизмеримо прогрессивную роль в экономическом развитии, она выдвинула мыслителя, выполнившего большую прогрессивную задачу в науке. Идея развития,— как она была формулирована мыслителями буржуазии в период ее первоначального становления, когда она была революционным классом, низвергавшим все устои старого общества,— вполне соответствует историческим условиям ее возникновения. Это, между прочим, можно видеть в следующих словах Гегеля: „Мы говорим, что все вещи (т.-е. все конечное, как таковое) должны предстать перед судом диалектики, и этим самым мы определяем ее, как всеобщую, непреоборимую силу, которая должна разрушать все, как бы оно

ни казалось устойчивым". Развитие производительных сил феодального общества, блестящие усовершенствования техники, как нельзя лучше благоприятствовали экономическому развитию буржуазии. Развитие неуклонно направлялось по руслу все большего сосредоточения основной массы средств производства в руках буржуазии и вытеснения таким образом господствовавшего феодального класса из позиций класса—собственника средств производства. Могла ли тогда буржуазия не быть пламенной сторонницей идеи развития! Но на пути осуществления буржуазной гегемонии были крупные помехи, и это раньше всего политическая власть феодальной аристократии.

„Рост богатства и расширение торговли скоро вознесли буржуазию на высоту, с которой она увидела, как тормозится развитие ее насущнейших интересов политическим строем страны: ее безумной раздробленностью между 36 государями с их взаимно противоречивыми стремлениями и причудами, феодальными путами, которые стесняли сельское хозяйство и связанную с ним торговлю; навязчивым надзором, которому невежественная и самомнящая бюрократия подвергала все предприятия буржуазии" [1]). Толкаемая феодальным гнетом буржуазия вела ожесточенную революционную борьбу. Не ласкательными призывами к власть имущим, не покорностью и

---

[1]) Энгельс.—„Революция и контр-революция в Германии".

упованием на будущее, а насильственными революциями буржуазия вырвала политическую власть из рук феодалов. Соответственно этому буржуазия вносит в идею развития момент скачков. Представление о непрерывном историческом развитии обогащается учением о неизбежности „перерывов“, т.-е. революционных переворотов.

В истории буржуазного понимания идеи развития мы различаем *три фазы*. Первая, выше изложенная, есть доподлинное революционное понимание. Но, как уже было указано, такое понимание идеи развития соответствует известному возрасту буржуазии. С изменением общественного положения буржуазии, как класса, изменяется и его идеология. Говорить о „непреодолимой силе, которая должна побороть все, как бы устойчивым оно ни казалось“, буржуазия могла лишь тогда, когда это устойчивое было *против* ее материальных интересов. Но диалектика сказалась и на истории самой буржуазии. Устойчивым стало ее собственное положение, всякие скачкообразные революционные моменты получили направление, противоположное интересам буржуазии. Тогда притупляется мыслителями буржуазии революционное острие идеи развития, и она скатывается к пошлому „эволюционизму“. История, видите ли, развивается лишь постепенно и никаких скачков знать не хочет. Как известно, буржуазная наука, плененная суб'ективным методом, считает признаком хорошего тона укорять марксизм в фа-

тализме. В действительности же подлинный фатализм начинается там, где притупляется, затушевывается революционное понимание идеи развития. Раз все сводится к постепенности, раз все будет дано неизбежной эволюцией,—тогда роль суб'ективного фактора в истории сводится к нулю. И этот фатализм всяческих эволюционных теорий всецело в интересах буржуазии, как идейный противовес пробуждению классового самосознания. Вся мудрая механика буржуазной науки насквозь пропитана материальными классовыми интересами буржуазии. С одной стороны, идеалистическим направлением своей науки буржуазия стремится закрыть глаза пролетариату на экономические процессы, развивающиеся в пользу последнего, с другой стороны, фатализмом своих учений эволюционизма буржуазия стремится связать руки тому же своему заклятому врагу — рабочему классу.

Такова вторая фаза буржуазного понимания идеи развития: будучи еще прогрессивным классом, она не отрекается от идеи развития, но, перестав быть революционным классом, она ломает революционное острие этой идеи. Но на этом история не заканчивается. Прогрессивным класс является до тех пор, пока он содействует развитию производительных сил. Но как только гегемония класса вступает в противоречие с потребностями развития производительных сил, история этого класса кончается и начинается его „послеистория" — агония и последние тщетные попытки об'-

яснить свою монополию на господство над обществом. В этих условиях класс окончательно теряет веру в прогресс, изменяет идее развития. Начинается третья фаза в истории буржуазного понимания идеи развития — фаза полнейшего ее отрицания. Поль Лафарг, один из самых дальнозорких пролетарских ученых, писал еще в начале нашего века: „Идея прогресса и эволюции имела чрезвычайно большой успех в течение первых лет XIX века, когда буржуазия была еще опьянена своей политической победой и поразительным ростом своих экономических богатств. Философы, историки, моралисты, политики, беллетристы и поэты подавали свои писания и речи под соусом прогрессивного развития, что было высмеяно одним только — или почти одним — Фурье. Но к средине XIX века им пришлось умерить свой безудержный энтузиазм. Появление пролетариата на политической арене в Англии и Франции породило в душе буржуазии беспокойство за вечность ее социального господства, и — прогресс потерял в ее глазах свое очарование“ [1]).

Если тогда речь шла лишь о зарождении беспокойства в душе буржуазии по поводу вечности ее социального господства, то наше время захвата власти пролетариатом в большой части мира и неудержимого роста пролетариата в другой части мира — вселяют в душу буржуазии, если не всей,

---

[1]) Поль Лафарг. — „Исторический метод К. Маркса“.

то ее дальновидных представителей, уверенность в близости конца. Эти новые условия существования буржуазии, существования перед концом, соответственно отражаются на всей капиталистической идеологии. Наиболее полно можно судить об этих отражениях по ее „новым“ историческим воззрениям. Штурм пролетариатом твердынь капитализма убеждает буржуазных историков, что наступает конец цивилизации. Совсем не случайно страна пролетарской диктатуры заслуживает в буржуазном мире лишь эпитеты „дикости“, „варварстра“ и пр. В данном случае мы имеем дело не просто с газетной травлей, а с выбалтыванием капиталистической прессой тайн „новой“ исторической премудрости буржуазии. Наука еще не имеет в своем распоряжении инструмента, помощью которого можно было бы точно отобразить сознание класса на различных ступенях его развития. Но по всем видимостям именно в период упадка и регресса класс наиболее отождествляет себя со всем миром. Кажется, в медицине принято считать, что в старческом возрасте человек требует подчинения всех и всего для удовлетворения своих прихотей. Если это так, то это должно быть результатом известных изменений в психике в сторону все большего отхода на задний план внешнего мира и выдвижения вперед своего собственного. С старческим классом, переживающим эпоху, где он был единственным гегемоном, происходит то же самое. В предсмертной

агонии, предчувствуя, что человеческое общество скоро спишет со счета капиталистический класс, последний спешит изгнать из своего представления человеческое общество. Точно полуумный, капиталистический класс замыкается в границы своих собственных судеб, принимая их за судьбы всего мира.

Отсюда легко притти, вернее, вернуться, к теории исторического круговращения. Так это в действительности и происходит. Третья фаза истории буржуазного понимания идеи развития заключается не просто в отрицании этой идеи, но и возврате к теории круговорота. Вот что пишет, например, проф. Виппер: „Если мы спросим себя теперь (в начале десятых годов XX века), есть ли у нас прежняя вера во всеобщий прогресс человечества, видим ли мы в нем выражение высшего закона исторической жизни, то, кажется, огромное большинство поколеблется ответить утвердительно". Затем в статье, написанной в 20 г. XX века, Виппер продолжает эму мысль: „Все (эти) факты, которые мы называем также падением античного мира, невольно представляются теперь нам в ином виде; они точно приблизились к нам, внезапно сделались возможными и повторными. А эта перемена не может не отразиться на теории исторического познания. Если до сих пор мы руководились построениями в духе теории исторического прогресса, то теперь есть основание вспомнить о другом забытом историческом миро-

воззрении, которого держались гуманисты возрождения, которое блестяще развил Джианбатиста Вико в „Новой Науке“ (1725 г.) и которое, в противоположность теории прогресса, зовется теорией исторического круговорота“ [1]).

Итак, назад к Вико.

Уж, быть может, действительно история повторяется, раз на исходе капитализма его господствующий класс питается тем же, чем питался господствующий класс феодальной эпохи на исходе феодального развития. Виппер как нельзя лучше говорит: факты современности напоминают ему факты падения античного мира, и потому, видите ли, „внезапно“ (?!) это сделалось возможным и повторным. И так как опять падение мира, но уже не античного, а современного, то не пора ли вспомнить „забытое историческое мировоззрение Вико—теорию исторического круговорота“.

Но почему и кем было „забыто“ мировоззрение Вико—теория круговорота? Не потому ли, что буржуазия, будучи революционным, прогрессивным классом, двинула вперед науку и сама дала блестящее опровержение теории круговорота и обоснование идеи развития. Значит, когда буржуазия была господствующим классом, тогда был прогресс, тогда жизнь развивалась вперед, а когда пролетариат железной метлой выметает буржуа,

---

[1]) Проф. Виппер.—„Кризис исторической науки“ (Издание Гив, к стыду нашему).

выродившихся в паразитов, и экспроприирует их несметные богатства, — тогда конец прогрессу и развитию! Не парируете ли вы, господа буржуазные историки, на удары пролетариата тем же, чем в свое время парировали вас феодалы на ваши удары. Не хотите ли вы нас запугать тем же, чем вас запугивали два века тому назад помещики и их идеологи. Не способные больше ни к чему, вы и для идейной борьбы крадете аргументы у вами же побежденных столетия тому назад. Признаемся, с большим удовольствием мы привели выдержку из жалкой книжонки Виппера. Редко можно встретить в истории мысли или, если хотите, в истории недомыслия такое тождество взглядов двух уходящих классов различных эпох.

О том же говорит идеолог немецкой буржуазии Освальд Шпенглер, только более утонченно, сложно, как подобает высоко-развитому классу с многолетним опытом господства. Шпенглер выпустил книгу „Закат Европы", вызвавшую разные толки, но в общем нашедшую широкий отклик среди буржуазной читательской массы. Но, как подобает буржуазному писателю хорошего тона, Шпенглер жалуется на то, что его „книгу до сих пор почти никто не понял", что, может быть, и верно в смысле недооценки степени отражения его книгой регрессивного состояния буржуазии. В ответе своим критикам Шпенглер указывает ряд причин, в силу которых его не поняли, затем он

говорит: „Наконец, понимание затруднялось смущающим заглавием книги, хотя я выразительно подчеркнул, что оно (т.-е. заглавие „Закат Европы".—Б.) давно стало неоспоримым и есть вполне реальное обозначение исторического факта; подтверждением этого факта служат аналогичные обстоятельства в известнейших исторических явлениях". В другом месте той же книжки Шпенглер говорит: „Что касается „цели человечества", то я являюсь основательным и решительным пессимистом. Человечество для меня лишь зоологическая величина. Я не вижу ни прогресса, ни цели, ни пути человечества" [1]... Можно было бы привести еще примеры, но и этих окажется достаточно для доказательства приведенной мысли. Создавать и толкать вперед науку могут только представители, идеологи прогрессивного класса. Буржуазии, очевидно, не суждено иметь своих историков, которые хотя бы дописали последние страницы ее же истории. Это придется сделать рабочему классу.

Где корень заблуждения буржуазной исторической „науки?"—В непонимании Марксова тезиса, что история общества есть история классовой борьбы.

Именно потому, что человеческое общество развивается беспредельно и безгранично,

---

[1]) Освальд Шпенглер.—„Пессимизм ли это?"

развитие самих классов имеет предел, свой границы, Общество это—совокупность „производственных отношений, соответствующих известной ступени развития материальных производительных сил". Так как материальные производительные силы не находятся всегда на одной ступени, а растут и развиваются, то очевидно, что развитие производительных сил есть не что иное, как подготовка изменений в производственных отношениях. Дальше, так как производственные отношения имеют свое выражение в классах и в их взаимоотношениях между собою, то судьба класса обратно пропорциональна судьбе производительных сил: чем быстрее развиваются производительные силы, тем быстрее идет к уничтожению (в конечном счете) класс-гегемон производственных отношений, соответствующих данной ступени развития материальных производительных сил. Таким образом, класс есть не что иное, как этапный пункт на пути человеческой истории и гибель раньше господствовавшего класса, после большого накопления и развития производительных сил, лишь свидетельствует о наступающем не только „количественном", но и „качественном" „скачке" человеческого общества в целом. Как верстовой столб на большой дороге лишь указывает на пройденный путь, так класс на великом историческом пути лишь преходящее, в перспективе мелькающее обозначение какого-либо этапа. Эту судьбу переживает совре-

менная буржуазия. Небывалое развитие производительных сил за последнее столетие подготовило взрыв их оболочки — соответствующих им производственных отношений—и ввергает в состояние упадка и близкой гибели класс, господствовавший над этими отношениями. Буржуазия не в пример господствующим классам средневековья и античного мира блестяще организована, имеет многовековый опыт власти, владеет рядом превосходных средств военно-политического сопротивления и поэтому способна оказать длительное сопротивление классу, идущему к господству — ей на смену. Отсюда неизбежность гражданских войн, которые могут принять длительные и разрушающие размеры, отсюда и возможность временного упадка производительных сил в мировом масштабе, но это, конечно, отнюдь не всегда означает остановку исторического процесса. В общем и целом современный развал буржуазного класса, подготовленный многовековым развитием производительных сил, в свою очередь, окажется исходным пунктом для еще большего развития этих сил. Но все это—китайская грамота для буржуазных историков. Если у них когда-нибудь были проблески классового понимания истории, то лишь тогда и в отношении того периода, когда капиталистический класс вел поступательную классовую борьбу против феодального строя общественных отношений. Это понимание было у буржуазных историков лишь по отношению к другим отжившим

классам общества, но никогда по отношению к себе. Единственный класс во всей истории, способный на классовый анализ не только всего исторического процесса, но и своей собственной истории, — это рабочий класс, порожденный капиталистическими отношениями. В отношении истории классов капитализм означает собирание, укрупнение, сосредоточение всех начал собственности, которые когда-либо были известны, в руки капиталистической буржуазии, т.-е. воплощение в ее лице всех черт собственнических классов; а на другой стороне—собирание, укрупнение и сосредоточение в лице пролетариата всех черт производительных классов общества. Капиталистическая буржуазия — завершенное и законченное лицо собственнического класса; пролетариат—завершенное и законченное лицо трудящегося класса. Капиталистическая буржуазия—последний собственнический класс, пролетариат—последний эксплоатируемый класс. В этих двух антиподах (противоположностях) капиталистического общества история как бы решилась продемонстрировать в последний раз всю совокупность противоречий классового общества, существующего тысячелетиями.

В чем особенность этих двух антиподов?

В том, что пролетариат всеми частицами своего материального бытия заинтересован в скорейшем завершении последнего спектакля истории клас-

сового общества; в том, что пролетариат, угнетенный класс общества, не может ни в коем случае подняться на высоту постоянного и полного материального благосостояния без того, чтобы бросить в пропасть небытия частную собственность и классовое деление. Одним словом, интересы пролетариата, как класса, — в уничтожении классов.

У буржуазии как раз наоборот. Всеми фибрами своей „утонченной" души и всей тяжестью сытого брюха она налегает на бесконечное продление существующего строя. Она постоянно и бессменно пребывает в полном сознании того, что она не может продолжать быть на высотах паразитического материального благополучия без жестокой эксплоатации пролетариата в процессе его подневольного труда. Одним словом, интересы буржуазии, как класса, — в существовании классов. Отсюда и различное историческое мировоззрение у буржуазии и пролетариата. В то время, как буржуазия не способна научно об'яснить свою собственную историю, пролетариат может научно оформить свою историю и призван об'яснить историю других классов общества. Нас в настоящем очерке интересует только научное оформление истории рабочего движения.

Руководящим принципом в построении научной истории рабочего движения должна быть идея развития.

В чем сущность этой идеи в приложении к истории рабочего движения?

Рабочий класс, научно относящийся к своей собственной истории, ограничивает, замыкает границы исследования своего развития в известные исторические пределы. Это единственный класс в истории, знающий не только, откуда он пришел, но и куда он идет.

Развитие рабочего класса начинается в момент формирования капиталистических отношений и начинает свое завершение в момент ликвидации этих отношений. Это предварительное осознание предельности исторического развития рабочего класса имеет глубочайшее принципиальное значение в построении исторической науки рабочего движения. Камнем преткновения (для всяческих построений в духе идей развития) в изучении всеобщей истории служили вопросы о „цели человечества". Этот вопрос, метафизический по своей сути, сводил в обще-философском смысле к нулю научные достижения ряда философов истории. Куда идет человечество? Чем оно будет через каких-нибудь тысячу лет? Этого мы, действительно, не знаем и знать не можем, так как ответ на вопрос зависит от ряда обстоятельств, не входящих в круг исторической перспективы, развертывающейся перед нашими, далеко несовершенными глазами. Поэтому и сама постановка вопроса о разгадке предуказанной цели человечеству никчемная, она—богословского происхождения. Но другое дело в отношении класса. Рабочий класс призван выполнить известное задание—

в том смысле, что само его возникновение есть результат нарождения известных новых социально-экономических тенденций, и все дальнейшее развитие класса происходит на почве развертывания этих тенденций, пока они проглотят свою противоположность—частную собственность, уничтожив затем рабочий класс, как и все другие классы общества. Отсюда следует основное различие между историей общества и историей класса. В то время, как для первого—„целевая", „плановая" точка зрения, точка зрения предопределенного „априорного", т.-е. заранее намеченного для неопределенного беспредельного будущего исторического пути, — будет признаком метафизичности, для второго—та же точка зрения в виду предельности будущего будет признаком научности. Основная линия исторического пути рабочего класса была намечена Марксом и Энгельсом, когда рабочее движение было развито еще очень слабо. И эта линия всем последующим развитием вполне подтвердилась.

В следующей главе проанализируем основные теоретические предпосылки исторической науки рабочего движения, данные марксизмом и ленинизмом.

Марксизм—ленинизм и история рабочего движения

Марксизм и ленинизм, являющиеся предметами изучения для историка рабочего движения, в то же время сами служат основным теоретическим материалом и практическим показателем для построения научной истории рабочего движения.

Марксизм и ленинизм, являющиеся на известной ступени истории рабочего движения действенными факторами этой истории, в то же время служат исходным пунктом научного об'яснения всей цели исторического развития рабочего движения.

Марксизм и ленинизм—этапы нашей истории. Но точно так же, как, вскарабкавшись на вершину горы, пред нами открывается вид не только вершин, но и всего того, что под ними, так и поднявшись на плечи марксизма и ленинизма, пред нами открывается возможность научного обобщения не только движения рабочего класса, но и всех предыдущих этапов истории.

Маркс и Энгельс занимались различными областями общественных наук, всесторонне изучали

общественную жизнь, но неизменным результатом всех их исследований являлось доказательство преходящего характера современного им строя. В середине XIX века буржуазные производственные отношения особенно бурно внедрялись в различные области социальной и политической жизни. Это дало основание буржуазным идеологам особенно настойчиво распространять „истину" о вечности капиталистического строя, о естественности и соответствии человеческой природе вообще отношений, существующих при капитализме.

И если до Маркса являлись борцы и ученые, пытавшиеся предвидеть другой строй, который придет на смену капитализму, то это предвидение обосновывалось ими только мотивами общечеловеческой справедливости и желанием скорее увидеть то, что мерещилось им вдали.

Маркс же доказывает преходящий характер капитализма, вооружившись всеми накопленными до него научными знаниями и собственными научными выводами.

Постоянный рост и развитие материальных производительных сил опрокидывает производственные отношения, переставшие им соответствовать. Анализируя капиталистическое общество, Маркс предвидел ту ступень развития материальных производительных сил, которая, поднимая капитализм на небывалую высоту, вместе с тем упорно подтачивает его фундамент. Он

указал на внутренние противоречия, являющиеся дрожжами, на которых зреет и вместе с тем перезревает капитализм.

Производственные отношения, в рамках которых развивается капиталистическое общество, это известная связь, обнимающая различные классы общества. Перезревание капитализма означает разрыв этой связи и перегруппировку классов накануне их полного исчезновения.

Доказательство преходящего характера современного общества, анализ развития буржуазии вплоть до нисходящей линии было связано поэтому у Маркса с анализом развития рабочего класса по восходящей линии вплоть до его диктатуры.

„В той же самой степени, в какой развивается буржуазия, т.-е. капитал, развивается пролетариат, класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят ее только до тех пор, пока труд их увеличивает капитал. Эти рабочие, вынужденные продавать себя в розницу, представляют собой такой же товар, как и всякий другой предмет торговли, а потому находятся в зависимости от всех случайностей конкуренции, от всех колебаний рынка“ (Маркс—„Коммунистический Манифест“ [1]).

[1]) „Пока капитализм находился еще в младенческом возрасте, пока превращению денежного, торгового капитала в промышленный препятствовали феодальные порядки в де-

Нарождение капитализма необходимо связано с нарождением рабочего класса. Всюду проникающий капиталистический способ производства экспроприирует огромную массу людей, превращая их в пролетариев.

ревне, цеховой строй в городе, пока новая мануфактура вынуждена была ютиться в таких городских поселениях, которые были свободны от цехового контроля,—наемные рабочие, пролетарии, несмотря на враждебное им законодательство, умели использовать всякое увеличение спроса на них, следовавшее за накоплением капитала. Только с XVI столетия, когда расхищение церковных имений, раздача государственных угодий, экспроприация общинных земель оторвали от средств существования и выбросили на большие дороги десятки и сотни тысяч людей,—положение наемных рабочих сразу ухудшилось. Развитие мануфактуры, увеличение капитала, необходимого для устройства самостоятельного дела, лишило их всякой надежды на переход в положение самостоятельного хозяйчика, ибо само ремесло теперь все больше уступает место капиталистическому предприятию. Правда, и мануфактура только постепенно — со второй половины XVII и до второй половины XVIII столетия—овладевает городской и сельской промышленностью, а пролетариат все еще по своей численности уступает ремесленникам и кустарным рабочим, хотя все больше превращается в определенный обособленный класс. Только крупная машинная промышленность наносит окончательный удар городскому ремеслу и сельской домашней промышленности, только она бросает в ряды пролетариата многочисленные кадры ремесленников и кустарных рабочих, отрезывая им всякую возможность вернуться в „первобытное состояние", только она создает настоящий класс людей, выносящих на товарный рынок свою собственную шкуру, брошенных в водоворот конкуренции". (Д. Рязанов.— Примечание 16 к „Коммунистическому Манифесту").

„Наемный труд, бывший прежде исключением, вспомогательным средством, сделался теперь правилом и основной формой всего производства; из побочного занятия он сделался теперь исключительным средством существования рабочего. Временный наемный труд превратился в постоянный. Количество постоянных наемных рабочих колоссально увеличилось, благодаря перевороту, одновременно происшедшему в феодальном строе— упразднение феодальной дворни, изгнание крестьян с их земельных участков и т. д.

Возникла резкая противоположность: с одной стороны, капиталисты, в руках которых сконцентрировались все средства производства, с другой стороны, производители, не имеющие ничего, кроме своей рабочей силы" (Энгельс — „Анти-Дюринг", стр. 188).

Эта резкая противоположность в материальном положении двух классов общества приводит к их столкновению. Начинается классовая борьба— рабочего класса с собственниками средств производства.

„Пролетариат проходит через различные ступени развития. Его борьба против буржуазии начинается с самым его существованием.

Сначала рабочие борются по одиночке, потом сплачиваются рабочие одной фабрики, далее— одной отрасли промышленности в известной местности против отдельных, непосредственно их эксплоатирующих буржуа. Они нападают не только

на буржуазные условия производства, но и на самые средства производства: они разбивают машины, уничтожают иностранные конкурирующие товары, поджигают фабрики, они стараются восстановить разрушенное положение средневекового рабочего" („Коммун. Манифест").

„По мере развития буржуазии, в недрах ее развивается новый пролетариат нового времени; между пролетариатом и буржуазией завязывается борьба, которая прежде, чем быть прочувствованной, замеченной, оцененной, понятой, признанной и громко провозглашенной обеими сторонами, проявляется лишь в преходящих фактах, лишь в единичных разрушительных столкновениях" (Маркс—„Нищета философии").

Первая ступень классовой борьбы рабочих это—стихийная борьба. Еще раз:

„Прежде чем быть прочувствованной, замеченной, оцененной, понятой, признанной и громко провозглашенной, борьба проявляется лишь в преходящих фактах, лишь в единичных разрушительных столкновениях".

Рабочий класс не сознает еще своего особого положения в обществе; он не выработал еще своего классового отношения к другим классам общества, но он живет в материальных условиях, наиболее невыгодных и радикально отличающихся от материальных условий жизни других классов.

Эти невыносимо тяжелые материальные условия давят в первое время не столько на сознание рабочих, сколько на их руки, толкая их к физическим действиям против своих угнетателей. И не только на них обрушивается гнев рабочего класса, но и на машины, на изобретателей, на фабричные здания и пр.

И это весьма характерно для примитивного сознания класса.

Примитивное сознание всегда реагирует на следствие, не будучи достаточно глубоким, чтобы докопаться до причины.

Примитивное сознание скользит по поверхности вместо того, чтобы взглянуть под нее.

На ранней ступени своего развития рабочий класс еще не в состоянии видеть причины своего угнетенного положения в тайнах капиталистического способа производства и присвоения,— он находит эти причины в неодушевленных предметах: машинах, фабричных зданиях и пр.

Стихийная классовая борьба обнимает собою не только период разрушения машин, но и всякое проявление движения рабочих, не знающее еще организованных форм. Таковым является, например, стачечное движение, предшествующее возникновению каких-либо рабочих союзов.

Строго говоря, этот первый шаг классовой борьбы рабочих имеет еще свое подразделение.— Стихийная классовая борьба предполагает коллективную борьбу, рабочий разрушает машины

не в одиночку, а коллективом, массой рабочих не один какой-либо рабочий бастует, а коллектив, масса рабочих. Одним словом, стихийная классовая борьба отражает зарождение солидарности в пролетарской среде.

Но до этого имел место длительный период индивидуальных приспособлений. Лишенный всяких средств производства и очутившись в условиях капиталистической эксплоатации, отдельный рабочий стремится приспособиться к новым условиям. Удовлетворяя всем требованиям капиталиста, он думает улучшить свое положение. Эти приспособления обречены на никчемные результаты, и они уступают свое место стихийной классовой борьбе.

Под последней мы все время подразумевали экономическую борьбу, борьбу за улучшение условий труда. Но Маркс относит к этому периоду также участие огромных масс рабочего класса в политической борьбе буржуазии против остатков средневековья.

„На этой ступени развития рабочие представляют собой рассеянную по всей стране и раз'единенную конкуренцией массу. Массовые движения рабочих не являются тогда следствием самостоятельного их сплочения, но вызываются буржуазией, которая для достижения своих политических целей должна и пока еще может приводить в движение весь рабочий класс.

На этой ступени рабочие борются, следовательно, не с своим собственным неприятелем, они побивают врагов своих врагов—остатки абсолютной монархии, поземельных собственников, непромышленную буржуазию, мелкую буржуазию. Все историческое движение концентрируется, таким образом, в руках буржуазии, каждая победа, которую удается одержать этим путем, есть победа буржуазии" („Коммунистический Манифест").

Оговоримся. Стихийная классовая борьба за улучшение своих экономических условий и стихийная классовая борьба в политических целях буржуазии, под ее руководством, против феодальной аристократии—это две различные плоскости, которые могут и не совпадать во времени. Так, например, рабочий класс, владея в экономической области какими-либо формами организации, т.-е. уже перешагнув в этой области через стихийность, может в политическом отношении бороться под руководством буржуазии, не сознавая своих о с о б ы х политических классовых интересов.

Дело в том, что политическая активность пролетариата требует более высшей ступени его развития, чем активность в борьбе за повышение зарплаты, или сокращения рабочего дня. Даже более. То, что Маркс называет борьбой „против врагов своих врагов", т.-е. политическая активность в пользу другого класса, подразумевающая политическую пассивность по отношению к собственному классу, предполагает более высокую

ступень развития класса в целом, чем активность в пользу собственного класса в области экономической борьбы.

Впрочем, об этом подробнее будем говорить в последующем изложении.

В стихийной классовой борьбе „рабочие иногда остаются победителями, но не надолго. Существенным результатом их борьбы является не непосредственный успех, но все более возрастающее сплачивание их между собой“ (Маркс). В результате стихийная борьба сменяется организованной. „С развитием промышленности увеличивается не только численный состав пролетариата: он группируется в большие массы, сила его растет, и он все более сознает ее. Интересы и жизненное положение рабочих все более и более приводятся к одному уровню, так как машинное производство все более и более стирает различие между всеми отраслями труда и почти повсюду низводит рабочую плату до одинакового низкого уровня... Рабочие начинают устраивать коалиции[1]) для совместной борьбы против буржуа: совокупными силами они отстаивают свою заработную плату. Они устраивают даже постоянные ассоциации, которые могли бы поддержать их в минуты активной борьбы“ („Коммун. Маниф.“). Чем более развивается

[1]) Союзы.

современная индустрия и конкуренция, тем более нарождается и элементов, вызывающих и поддерживающих коалиции" (Маркс—„Нищета философии").

„Наперекор всем учебникам и утопиям, рабочие коалиции ни на минуту не перестают развиваться и расти в меру развития роста современной индустрии. В настоящее время это в такой мере факт, что степенью развития коалиций в данной стране с точностью можно определить то место, какое последняя занимает в иерархии мирового рынка. В Англии, где индустрия достигла наивысшего развития, находим мы и самые обширные и благоустроенные коалиции" („Нищета философии").

Такова вторая ступень классовой борьбы рабочих—начало организованного рабочего движения. На этой ступени мы имеем уже первые зачатки классового пролетарского сознания. Период стихийной борьбы порождал солидарность рабочих. Поскольку рабочие возмущались против тяжелых условий быта, поскольку они разбивали машины или бастовали, п о с т о л ь к у о н и в ы с т у п а л и с о л и д а р н о.

В период организованной борьбы—как раз наоборот. Поскольку рабочие понимают общность своих интересов, связность своей судьбы,— одним словом, п о с к о л ь к у о н и с т о я т н а п о ч в е с о л и д а р н о с т и, постольку они протестуют против гнета или бастуют.

Понимание солидарности есть первый элемент классового пролетарского сознания и вместе с тем почва, на которой вырастают все формы организации рабочего класса.

Но эти формы организации рабочего класса постоянно совершенствуются. И в период жизни Маркса уже известны были два типа организации рабочего класса: экономический и политический.

„Всякая начальная попытка работников об'единиться между собой постоянно принимает форму коалиции [1]). Крупная индустрия сближает множество друг другу незнакомых лиц на одном и том же месте. Правда, конкуренция раз'единяет их сообразно их индивидуальным интересам; но стремление поддержать заработную плату на данном уровне, стремление, представляющее общий интерес рабочих относительно их мастера, соединяет их на почве единой общей мысли о сопротивлении, на почве коалиции. Поэтому коалиция всегда имеет двоякую цель—уничтожение конкуренции между рабочими, дабы они могли сообща конкурировать с капиталистами.

Если первоначальной целью оппозиции было сохранение данного уровня заработной платы, то коалиции, вначале изолированные,

---

[1]) Мы раньше уже заметили, что коалиция означает „союз" рабочих. Сейчас необходимо уточнить: из всего изложения Маркса ясно следует, что он подразумевает экономический союз рабочих.

об'единяются в такой же мере, в какой и капиталисты в свою очередь об'единяются в видах репрессии; а перед лицом всегда об'единенного капитала сохранение ассоциаций для рабочих становится делом более важным, чем сохранение заработной платы. И это в такой мере справедливо, что английские экономисты бывают крайне удивлены, когда видят, как работники значительную часть своего заработка отдают в кассу ассоциаций, хотя последние, по мнению экономистов, в интересе заработной платы именно и были учреждены. В такой борьбе, воистину гражданской войне, об'единяются и развиваются все элементы для предстоящего генерального сражения. Но раз коалиции дошли до этого, они принимают уже характер политический („Нищета философии").

Таким образом, эпоха организованной борьбы, если взять ее в грубых чертах, делится на два периода. В первый период возникают экономические организации рабочего класса, во второй—политические организации. Причем эти два периода не являются для Маркса обособленными, а вытекают один из другого. С течением классовой борьбы рабочих масс „об'единяются и развиваются все элементы" для политической организации пролетариата. Блестящим доказательством революционного понимания Марксом взаимоотношения и связи экономической и политической

борьбы является его деятельность в I Интернационале. Следует лишь помнить, что в то время развитых рабочих партий, на подобие современным компартиям, не было, и поэтому, естественно, Маркс обращался преимущественно к профсоюзам, наиболее распространенным и массовым организациям рабочих.

В своем докладе на тему „Заработная плата, цена и прибыль", прочитанном в Лондонском Генеральном совете в 1865 г., Маркс говорил: „Профессиональные союзы, это—центры сопротивления против нападения капитала. Они оказываются несостоятельными в отдельных случаях... Они бьют мимо цели, когда ограничиваются мелочной борьбой против последствий современной системы, вместо того, чтобы стремиться к ее преобразованию... уничтожению системы заработной платы".

В резолюции, предложенной Марксом Женевскому Конгрессу Международного Товарищества рабочих в 1866 г., говорится: „Профессиональные союзы, как организационные центры рабочего движения, должны сознательно стремиться к полному освобождению. Они должны поддерживать всякое социальное и политическое движение, которое направлено к этой цели... Они должны доказать всему миру, что их деятельность не ограничена узкими рамками и ставит себе целью освобождение угнетенных

миллионов". В этой связи важно не то, что Маркс рассматривал тогда профсоюзы, как центры рабочего движения, а важно то, что профсоюзы должны, по мнению Маркса, поддерживать политическое движение и вести борьбу не в узких рамках, а за окончательное освобождение всего рабочего класса.

В этих Марксовых положениях сквозит понимание того факта, что политические организации рабочего класса, возникающие после десятилетий существования экономических организаций, являются более зрелым отражением действительно-классовых интересов пролетариата.

Теоретическим обоснованием всего приведенного и, вместе с тем, неоценимым ключем для понимания истории рабочего движения является следующее место из „Нищеты философии".

„Экономические отношения сначала превратили массу населения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы общность положения, общность интересов.

Таким образом, эта масса—уже класс по отношению к капиталу, но еще не класс для себя. В борьбе, которую мы охарактеризовали только в некоторых ее фазах, эта масса об'единяется, конституируется как класс для себя. Интересы, которые она защищает, становятся классовыми интересами".

Здесь Маркс дает два понятия класса: „класс по отношению к капиталу“ и „класс для себя“. Если бы ограничиться только буквальным смыслом этого, то и тогда научная история рабочего движения выиграла бы очень много от такой разбивки. Последняя заставила бы нас на каждой данной ступени развития классовой борьбы рабочих искать состояние „класса по отношению к капиталу“ или „класса для себя“. Это неизбежно привело бы к научной разбивке истории рабочего движения на определенные исторические этапы. Но можно пойти дальше. Не ограничиваясь буквальным смыслом, можно попытаться раскрыть скобки этих двух понятий, затем посмотреть, нет ли промежуточных звеньев, и к а к „класс по отношению к капиталу“ переходит в „класс для себя“. Это мы и попробуем сделать в следующей главе.

Научный социализм Маркса—Энгельса, собственно, та часть его, которая доказывает неизбежность поступательного движения рабочего класса, и составляет основу метода разработки научной истории рабочего движения. Все стороны учения Маркса—Энгельса вплотную подводят к конфликту между развитием материальных производительных сил и капиталистическими производственными отношениями, в рамках которых они развиваются. На языке человеческих отношений этот конфликт означает решительную борьбу между буржуазией и пролетариатом. Осно-

вателям научного социализма также ясно было, что этот конфликт возникает не внезапно, а нарастает, вместе с развитием производительных сил.

Отсюда закономерность в истории рабочего движения. Путем применения метода творцов научного социализма не представляет большой трудности об'яснить последовательность в смене исторических этапов рабочего движения. Еще больше. Сам научный социализм одной своей стороной есть не что иное, как план истории рабочего движения. Научный социализм об'ясняет возникновение рабочего класса и вместе с тем неизбежность поступательного рабочего движения. Научный социализм в такой же мере предвидит рабочее движение, в какой рабочее движение подтверждает научный социализм.

Почти полуторавековое развитие рабочего движения, в общем и целом по восходящей линии, дано в теории научного социализма. Здесь можно сделать лишь одно замечание: развязка классовой борьбы рабочих с буржуазией случилась гораздо позже, чем этого ожидали основатели теории научного социализма. Но есть такого рода просчеты, которые говорят, что пройденный путь был теоретически правильно формулирован. К этого рода просчетам и относится ошибка Маркса—Энгельса о сроке социальной пролетар-

ской революции. Пламенные революционеры, заклятые враги умеренности, рока, фатализма, главари наиболее передовых отрядов рабочего движения своего времени, сами непосредственные участники борьбы за пролетарскую социалистическую революцию,—они ошиблись лишь в том, что их титаническая воля, жажда гигантов в скорейшей революции стала увеличительным стеклом сил и возможностей рабочей демократии.

Так или иначе, со времени основания научного социализма до момента захвата власти рабочим классом в одной стране прошло много десятилетий. За это время рабочее движение охватило почти все страны мира и чрезвычайно усложнилось в своих формах. Свой самый большой размах развития рабочее движение получило именно на перевале XIX и XX веков.

Но, что важнее всего в наше время, рабочий класс всего мира вступил в эпоху социалистической, пролетарской революции, т.-е. закончил самый больший период своей истории. Тем самым научная история рабочего движения получает огромные возможности. Стоя у последней черты капитализма, мы можем проанализировать историю рабочего движения с точки зрения всех доступных пролетариату средств классовой борьбы в условиях капитализма. Конец органической эпохи капитализма дает возможность установить законы исторического развития рабочего движения на всем протяжении капитализма.

Основанием такой работы явится ленинизм. Ленинизм и марксизм тождественны и, вместе с тем, различны. Ленин всецело стоял на почве Маркса—Энгельса, Маркс и Энгельс не могли знать Ленина. Марксизм возник в эпоху молодого рабочего движения, предвидя и научно обосновывая неизбежность его роста и вызревания. Ленинизм развился в эпоху выросшего и созревшего рабочего движения, давая возможность научного об'яснения всей цепи исторического развития рабочего движения. Перед марксизмом и ленинизмом в разрезе различных исторических периодов стояли разные задачи.

В отношении интересующего нас вопроса марксизм есть учение о неизбежности поступательного, восходящего развития рабочего движения; ленинизм есть учение о взаимоотношениях между различными вехами исторического пути пролетариата.

Россия прошла сравнительно короткий путь рабочего движения, но, именно, благодаря этой „краткости", различные организационные формы и проявления рабочего движения в нашей стране чрезвычайно пестро концентрировались и переплетались, требуя гениальной ориентировки в них. Страна молодого, но вместе с тем быстро развивающегося капитализма порождала кружки передовых рабочих, стоящих на уровне самого высокоразвитого пролетарского сознания, на ряду со

стачками, заканчивающимися избиением хозяина. В стране запоздалого и вместе с тем новейшего капитализма самые передовые прослойки рабочих знакомились с новейшими достижениями пролетарской науки в старых или сравнительно старых странах капитализма,—в то время как огромная нарождающаяся масса пролетариев черепашьим шагом поднимается с одного уровня классовой борьбы на другой. В таких условиях вопрос о взаимоотношениях между различными вехами исторического пути пролетариата приобретал особо острое значение.

На этот вопрос ответил всей своей деятельностью и печатно зафиксировал Ленин.

Возникший к концу 90-х годов экономизм обвинял революционных социал-демократов в преувеличении значения сознательного момента и в недооценке стихийности. По этому поводу Ленин в „Что делать?“ писал: „Всякое изменение социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной. Толкуют о стихийности. Но стихийное развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии, идет именно по программе „credo“, ибо стихийное рабочее движение есть тред-юнионизм, есть Gewerbchaftlerei, а тред-юнионизм означает как раз идейное порабощение рабочих буржуазией. Поэтому наша задача социал-демократии состоит в борьбе со стихийностью, состоит в том,

чтобы совлечь рабочее движение с этого стихийного стремления тред-юнионизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии" (V т., стр. 149).

„Чем больше стихийный под'ем масс, чем шире становится движение, тем еще несравненно быстрее возрастает требование на массовую сознательность и в теоретической, и в политической, и в организационной работе социал-демократии" (V т., стр. 159).

Отношение сознательности к стихийности нас в данном случае интересует не с политической, а с исторической стороны.

Стихийность—наиболее ранняя ступень классовой борьбы рабочих, но классовая борьба это—не прямая линия, не знающая зигзагов. В то время, как один слой рабочего класса уже перешагнул через стихийность и ведет сознательную борьбу с буржуазией, другой слой рабочего класса, только образовавшийся, карабкается по извилинам стихийности.

Таким образом, вопрос об отношениях сознательности к стихийности есть вопрос о взаимоотношениях между различными историческими этапами рабочего класса.

В другом месте той же книги Ленин блестяще показывает переход от стихийности к сознательности: „стихийность — стихийности рознь". Стачки бывали в России и в 70-х и в 60-х годах (и даже в первой половине XIX века),

сопровождаясь „стихийным“ разрушением машин и т. п. По сравнению с этими бунтами, стачки 90-х годов можно даже назвать „сознательными“— до такой степени значителен тот шаг вперед, который сделало за это время рабочее движение. Это показывает нам, что „стихийный элемент“ представляет из себя, в сущности, не что иное, как зачаточную форму сознательности. И примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли исконную веру в незыблемость давящих их порядков, начинали... не скажу—понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством“ (V т., стр. 140, курсив—наш).

Первые проявления своей классовой борьбы с капиталистами рабочие связывают с разрушением машин, физическим насилием над отдельными личностями; последующие их выступления уже связываются с солидарной забастовкой, а еще дальнейшие—с организацией какой-нибудь кассы. В процессе стихийной же борьбы нарастают первичные элементы сознания, подготовляя полный переход от стихийности к сознательности.

Но как „стихийность—стихийности рознь“, так и сознательность—сознательности рознь.

Сознание является непосредственно в результате экономической борьбы, проникнуто экономическими мотивами: рабочие в той мере недоволь-

ны правительством, в какой оно помогает капиталистам, своей жандармерией судом; рабочие в той мере организуются, в какой они непосредственно этим путем борятся за улучшение условий труда. В то же время уже имеется сформированное, выкристализовавшееся классовое самосознание пролетариата, явившееся в результате многолетней классовой борьбы рабочих Европы [11]) и приобщения к опыту этой борьбы научного анализа современного капиталистического общества. На ранней ступени развития пролетариата первый род сознания является преобладающим, наиболее распространен среди самых широких масс рабочего

---

[11]) „Как немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна—трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно,—так немецкое практическое рабочее движение не должно никогда забывать, что оно развилось на плечах английского и французского движения, что оно имело возможность просто обратить себе на пользу дорого купленный опыт, избегать теперь их ошибок, которых тогда в большинстве случаев нельзя было избежать. Где были бы мы теперь без образца английских тред-юнионов и французской политической борьбы рабочих, без того колоссального толчка, который дала в особенности Парижская Коммуна“. (Энгельс—„der deutsche Benerkrieg“, цитировано у Ленина. V т., стр. 136, курсив наш).

класса, между тем, как тонкая прослойка наиболее развитых рабочих владеет уже ясно формулированным, научно обоснованным классовым пролетарским сознанием. Массы пролетариата, медленно продвигаясь собственными силами, учась на собственном малочисленном опыте, стоят еще на весьма низком уровне развития своего классового сознания; между тем как немногочисленный слой рабочих помощью революционной интеллигенции уже поднялся на вершину классового сознания рабочих стран наиболее развитого капитализма и рабочего движения. Эти два хода сознания являются таким образом, не только различными по своему содержанию, но и различными по своему историческому происхождению. Вопрос об отношении сознания высшего, социал-демократического, к сознанию примитивному, „экономическому", тред-юнионистскому—есть также вопрос о взаимоотношениях между различными вехами исторического пути пролетариата.

На этот вопрос Ленин отвечает следующим образом: „Социал-демократическое движение международно по самому своему существу. Это означает не только то, что мы должны бороться с национальным шовинизмом. Это означает также, что начинающееся в молодой стране движение может быть успешно лишь при условии претворения им опыта других стран", (V т., стр. 135, курсив наш).

„Сознание рабочих масс не может быть истинно-классовым сознанием, если рабочие на конкретных и при том непременно злободневных (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать каждый из других общественных классов во всех проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов,— не научатся применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку всех сторон деятельности и жизни всех классов, слоев и групп населения. Кто обращает внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же, тот не социал-демократ, и то самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью, не только теоретических... вернее даже сказать: не столько теоретических, сколько на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношении всех классов современного общества“ (V т., стр. 174—5, курсив наш).

Задача передового отряда рабочего класса состоит в постоянном и непрерывном приобщении широких пролетарских масс к своему развитому классовому сознанию. Связанность авангарда пролетариата со всей массой выражается не в том, что авангард плетется в хвосте массы, а в том, что он создает условия для перерастания

„экономического“ сознания массы в социал-демократическое. Одно из основных ленинских положений о подчинении всех форм и видов социальной борьбы пролетариата — борьбе за конечную цель, примененное им в условиях наиболее зрелого состояния, — международного рабочего движения, и наиболее пестрого, богатого различными течениями и организационными формами,— русского рабочего движения,— является теоретическим подспорьем для научной истории рабочего движения.

Как Марксовы два понятия класса, так и это ленинское положение чрезвычайно поможет в научной классификации рабочего движения по отдельным историческим этапам.

В самом деле, если „экономическое“ сознание должно быть поднято до социал-демократического, если профессиональное движение должно быть подчинено политическим целям пролетариата,— то нет ли здесь скобок, скрывающих различные стадии, через которые проходит пролетарская классовая борьба.

Ленин также дал схему развития рабочего, преимущественно, партийного движения в нашей стране. И в этой схеме насквозь проглядывает ленинское понимание взаимоотношений между различными вехами исторического пути пролетариата.

„История русской социал-демократии явственно распадается на три периода.

Первый период обнимает около 10 лет, приблизительно 1884—1894 гг. Это был период возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии. Число сторонников нового направления в России измерялось единицами. Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития.

Второй период обнимает три-четыре года, 1892—1898 г.г. Социал-демократия появляется на свет божий, как общественное движение, как под'ем народных масс, как политическая партия. Это период детства и отрочества... Движение делает громадные успехи. Большинство руководителей совсем молодые люди... Образование партии весной 1898 года было самым рельефным и в то же время последним делом социал-демократов этой полосы.

Третий период... Это — период разброда, распада, шатания. В отрочестве бывает так, что голос у человека ломается. Вот и у русской социал-демократии этого периода стал ломаться голос, стал звучать фальшью,— с одной стороны в произведениях гг. Струве и Прокоповича, Булгакова и Бердяева, с другой стороны,—у В. И-ча и Б. М., и Б. Кричевского и Мартынова. Но брели разно и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные

шаги вперед. Пролетарская борьба захватывала новые слои рабочих и распространялась по всей России"... (V т., стр. 267—8).

Все в этой цитате характерно для Ленина: утробный период, детство и отрочество, фальшь в голосе — все это не просто художественные образы, а удивительное органическое понимание истории своей партии, — исторический подход к политике.

Ленин не представляет себе какой-либо исторической эпохи рабочего движения, оторванной от всего предшествующего развития; нет, она в ы р о с л а из предыдущей эпохи и п е р е р а с т а е т в последующую.

Приведенную схему по истории партии из заключительной части „Что делать?" — Ленин продолжает в „Детской болезни „левизны" в коммунизме":

„Годы подготовки революции (1902 — 1905). Везде чувствуется приближение великой бури. Во всех классах брожение и подготовка... классы выковывают себе надлежащее идейно-политическое оружие для грядущих битв.

Годы революции (1905 — 1907). Все классы выступают открыто. Все программные и тактические вопросы проверяются действием масс. Невиданная в мире широта и острота стачечной борьбы. Перерастание экономической стачки в политическую и политической в восстание. Практическая проверка соотношений между руководящим

пролетариатом и руководимым, колеблющимся, шатким крестьянством. Рождение в стихийном развитии борьбы советской формы организации... Каждый месяц этого периода равняется, в смысле обучения основам политической науки — и масс и вождей, и классов и партий — году „мирного“ „конституционного“ развития. Без „генеральной репетиции“ 1905 года победа Октябрьской революции 1917 г. была бы невозможна“... (XVII т., стр. 120—1).

Когда Ленин пишет о размахе революции, то вместо того, чтобы восторгаться, именно, размахом революции,—увлекаешься размахом его гениальной мысли,.. но это между прочим. В описании Ленина,—революция 1905 года непосредственно вытекает из годов подготовки революции, а сама революция есть не что иное, как чередование быстро сменяющих друг друга этапов. Первые вспышки стачечной борьбы, повсеместная экономическая стачка, политическая стачка, восстание. В таком освещении революция приходит не по мановению магического жезла вождя или каких-либо привходящих результатов, но есть выражение многими годами накопленного возмущения масс и в своем собственном последовательном развитии лишь организует под'ем массы пролетариата на опыте живой политической борьбы с одной ступени классового самосознания на другую, более высшую, узаконяет „незаконный“ захват одной позиции за другой.

В заключение настоящей главы рассмотрим еще лишь один момент, именно, отношение Ленина к профсоюзам в период диктатуры пролетариата, имеющий, как мы это увидим, большое значение для нашего предмета.

„При переходе к социализму неизбежна диктатура пролетариата, но диктатуру пролетариата через его поголовную организацию осуществить нельзя, ибо не только у нас, в одной из самых отсталых капиталистических стран, но и во всех других капиталистических странах пролетариат все еще так раздроблен, так принижен кое-где (именно империализмом в отдельных странах), что поголовная организация пролетариата диктатуры его осуществить непосредственно не может. Получается такая вещь, что партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата. Не имея такого фундамента, как профсоюзы, нельзя осуществлять диктатуру... В чем своеобразность этого положения в отношении практических выводов? В том, что профсоюзы создают связь авангарда с массами, профсоюзы повседневной работой убеждают массы, массы того класса, который один только в состоянии перевести нас от капитализма к коммунизму. Таким образом, получается как бы ряд зубчатых колес. Нельзя осуществить диктатуру без нескольких „приводов“ от авангарда к массе передового класса, от него к массе трудящихся“. (XVIII т., стр. 8—9).

Диктатура пролетариата—это высшая точка, последняя грань рабочего движения. Все историческое развитие рабочего движения идет к диктатуре пролетариата, при ней начинается непосредственная борьба за бесклассовое общество, за общество без рабочего движения. Но историческое развитие не идет прямолинейно и когда наступает период диктатуры пролетариата, то это еще не значит, что все формы общественной жизни и все ветви рабочего движения подстрижены под эту диктатуру. На деле, в действительности, есть еще ряд пережитков прошлых общественных форм и ряд рабочих организаций, по своей сути приспособленных к капиталистическому строю.

Ставится вопрос о взаимоотношениях между диктатурой пролетариата и пережитками капитализма в рабочем движении, который есть тот же вопрос о взаимоотношениях между различными вехами исторического пути пролетариата.

На этот вопрос Ленин отвечает таким образом: профсоюзы—школа коммунизма, но „это совсем необычного типа школа, ибо мы имеем дело не с преподавателями и учениками, а мы имеем дело с некоторым чрезвычайно своеобразным сочетанием того, что осталось от капитализма и что не могло не остаться и того, что выдвигают из своей среды революционно-передовые отряды, так сказать, революционный авангард пролетариата“. (Курсив наш).

Профсоюзы—школа коммунизма, „привод" от массы к авангарду, одно из зубчатых колес системы пролетарской диктатуры.

„Профсоюзы — школа коммунизма". — В этой мысли, кажущейся чрезвычайно простой, на деле чрезвычайно много поучительного для научной истории рабочего движения. Эта мысль говорит о том, что профсоюзы являются подготовительными ступенями к более высшему типу организации рабочего класса и к более высшему типу классового сознания. И это верно не только для нашего времени, но и для предшествующего развития рабочего движения.

Впрочем, все исторические замечания Ленина говорят о том же. Каждая форма организации рабочего класса и каждый вид пролетарского сознания рассматривается им в связи с тем, что им предшествует и что их наследует.

Единство истории рабочего движения

Различные формы организации рабочего класса являются не только различными по своему содержанию, но и различными по своему историческому происхождению, т.-е. возникают на различных ступенях исторического развития рабочего класса. Кассы взаимопомощи отличаются от профсоюзов не только тем, что у них разные функции и задачи, но и тем, что они возникли и не могли не возникнуть на различных этапах развития пролетарской классовой борьбы. Профсоюзы и политические партии имеют разный комплекс задач, но они и возникают не в одно время, а при различном состоянии соотношения классовых сил. Это дает нам возможность говорить о единстве рабочего движения. Научная история рабочего движения будет рассматривать различные формы организации рабочего класса не только с точки зрения разности их содержания, но и с точки зрения их последовательного, закономерного развития, одна за другой. История рабочего движения в собственном

смысле обнимает лишь историю организованной пролетарской классовой борьбы. Но научная история не может пройти мимо длительной школы классовой борьбы рабочих, предшествующей рабочему движению, именно стихийной борьбы. Диалектически рассматривая эти обе формы борьбы, ясно, что они тесно связаны между собой, что стихийный период есть утробный период организованности, и что многолетний промежуток между ними есть начало перерастания „класса по отношению к капиталу“ в „класс для себя“.

Во всех странах мы наблюдаем одно и то же явление: организации рабочего класса гораздо моложе самого класса, т.-е. возникают гораздо позже него. Это значит, что голого факта существования рабочего класса еще недостаточно для того, чтобы возникла организация рабочих. Другими словами, на почве „класса по отношению к капиталу“ не возникает рабочего движения. Для того, чтобы возникло рабочее движение, необходим „класс для себя“.

Что же означает переход рабочего класса из первого состояния во второе.—Он означает приобретение рабочим классом классового сознания. В то же время между этими двумя состояниями класса лежит полоса стихийной классовой борьбы. Каково внутреннее содержание этой борьбы? В одном месте мы уже говорили, что возникновение рабочего класса есть перенесение огромной массы людей из одних материальных

условий бытия в другие. Сознание этих людей не лист чистой бумаги, на котором новые материальные условия их существования ставят свои знаки. Нет, у этой массы людей есть определенное, выработанное многими годами известного материального существования сознание и с этим готовым оформленным сознанием они вступают в новую полосу производственных отношений. Но это оформленное, готовое сознание „изготовлено“, оформлено в иной связи производственных отношений, чем в той, в которую эта масса сейчас вступила. Место пролетариата в производственных отношениях не мирится с сознанием только что образовавшегося пролетариата, сознанием, взятым, принесенным из недр другого класса, из той среды, откуда вышел пролетариат. Начинается конфликт между новыми производственными отношениями, е щ е не успевшими выработать свое сознание, с у ж е устаревшим сознанием, приобретенным в условиях старых производственных отношений.

После периода индивидуальных приспособлений с т и х и й н а я к л а с с о в а я б о р ь б а е с т ь н е ч т о и н о е, к а к о т р а ж е н и е э т о г о к о н ф л и к т а.

Внутреннее содержание и глубочайший смысл стихийной классовой борьбы в том и заключается, что оно вытесняет из сознания рабочих масс предрассудки старых бытовых условий и тем самым

расчищает путь для выработки „рассудка“ пролетариата.

Это и значит, что стихийная классовая борьба создает предварительные условия для перехода „класса по отношению к капитализму“ в „класс для себя“.

Связующим звеном между стихийной и организованной классовой борьбой является идея солидарности.

Солидарность сама—следствие—становится теперь причиной. Это первый элемент классового сознания и вместе с тем элемент, выработанный всецело в процессе стихийной классовой борьбы. Позднейшее развитие его усложняет и обосновывает.

Организованное рабочее движение мы делим на три периода: элементарный, сложный и усложненный.

Какую бы страну мы ни взяли, всюду первыми формами организации рабочего класса являются кассы взаимопомощи, стачечные фонды, похоронные бюро и т. п. Первоначально во всех странах рабочие организовывались для выполнения какой-либо одной задачи. Проведя бесплодно несколько стихийных стачек, рабочие стали искать причины этих неудач и находили их в своей материальной несостоятельности. Капиталист, если он и не „зарабатывает“ несколько недель или несколько месяцев,—все же не помрет с голоду. У него достаточный запас средств, чтобы продолжать не только

свое материальное существование, но и роскошествовать. У рабочих иное положение: они не могут итти на безработицу некоторое время без того, чтобы ни обречь на голодную смерть свои семьи и себя. Это приводило к проигрышу в стачечной борьбе. Эти факты легко наталкивали рабочих на мысль создания стачечного фонда, накопления средств из своих грошевых отчислений для поддержания стачечников.

Или другой пример: свое положение обреченного на жалкое существование рабочего скота пролетарий видит нагляднее всего, когда он и как рабочий скот не может жить, когда с утратой работоспособности его выбрасывают из производства. Рабочий, ставши инвалидом, чаще всего по вине же фабричной администрации, обречен на медленное умирание.

Частое повторение таких фактов на одной какой-либо фабрике толкает рабочих на мысль самообеспечения на случай старости, инвалидности, болезни и пр. Рабочие создают кассы взаимопомощи. Эти первичные ячейки рабочего движения имели место уже слишком сто лет тому назад в Англии, лет восемьдесят тому назад в Германии, лет сорок тому назад в России и пр.

Эти первые организации рабочих мы относим к элементарному периоду рабочего движения. Под элементарным периодом мы подразумеваем такой период в рабочем движении, когда рабочие отдельных фабрик или производств создают свои первые

организации, имеющие целью разрешить какую-либо одну задачу.

Элементарный период является, вместе с тем, первым шагом по пути превращения пролетариата в „класс для себя".

Следует иметь в виду, что процесс образования „класса для себя" есть чрезвычайно длительный процесс. „Класс для себя"—это совокупность людей, занимающих одинаковое место в цепи производственных отношений, плюс сознание своего особого положения в отношении к другим классам общества, историческим задачам и пр. В то время, когда первый признак, экономический, дан и в „классе по отношению к капиталу", дан самим экономическим развитием, породившим пролетариат,—второй признак, классовое сознание, вырабатывается лишь вместе с развитием классовой борьбы рабочих. Каждая полоса классовой борьбы дает лишь один сгусток сознания, такое сознание, которое только и может народиться в условиях данной классовой борьбы.

Короче сказать, „класс для себя" не создан одним этапом, а развертывается на всем протяжении исторического развития рабочего движения. Каждый отдельный этап дает лишь известную долю классового сознания, приобретаемую опытом данной борьбы. Известное количество опыта, накопленного в один период, переходит в качество другого, более высшего периода рабочего движения.

За элементарным периодом идет сложный период: рабочий класс создает экономические организации, обнимающие не одну, а ряд задач,— профсоюзы.

Обыкновенно профсоюзам дают такое определение: они являются организациями, преследующими задачи улучшения экономических условий рабочих. Такое определение верно, но не исчерпывает дела. Русские профсоюзы возникли в 1903—5 гг. Значит ли это, что до 1903—5 гг. рабочий класс не вел борьбы за улучшение условий своего труда? Нет, ни в коем случае не значит. За много десятков лет до этого времени рабочие вели у нас борьбу за улучшение условий своего быта, и не только вели борьбу, но в 80—90-х годах создавали ряд организаций этой экономической борьбы: кассы взаимопомощи, стачечные фонды и пр. Очевидно, выше приведенное определение профсоюзов действительно не исчерпывает дела.

Надо сказать так: профсоюзы являются организациями рабочего класса, об'единяющими все средства экономической борьбы рабочих, которые только доступны пролетариату в условиях капитализма.

Действительно, профсоюзы возникали лишь на той исторической ступени развития пролетариата, когда им уже на опыте были испытаны врозь все средства экономической борьбы с капиталистами и назрела задача об'единить их,

систематизировать эти средства с целью достигнуть больших результатов. Профсоюзы есть не что иное, как приведенные в систему, раньше уже практиковавшиеся средства экономической борьбы.

Развертывание рабочего движения происходит в связи с все большим ростом и расширением капитализма.

Централизация капитала порождает в среде рабочего класса необходимость в максимальном об'единении своих сил и средств борьбы. Перед лицом выросшего и сосредоточившегося капитала касса взаимопомощи оказывается слабой и должна уступить свое место другой, более концентрированной организации рабочего класса.

Мы этот период рабочего движения называем сложным в отличие от предыдущего элементарного по тому мотиву, что в этот период отдельные ячейки экономической борьбы, ставившие себе каждая врозь какую-либо одну задачу, сливаются в одну организацию, ставящую перед собой ряд задач.

Развитие промышленности и накопленный пролетариатом опыт—вот непосредственные причины перехода от первого ко второму периоду.

Сложный период рабочего движения есть вторая веха превращения пролетариата в „класс для себя".

Для того, чтобы стать членом профсоюза, рабочему нужна большая доля классового самосозна-

ния, чем та доля сознания, которая необходима для члена кассы взаимопомощи. Опыт предыдущей классовой борьбы и давление все более централизующегося капитализма выработали это новое наращение классового самосознания.

Вслед за сложным периодом рабочего движения идет усложненный период. Суть его заключается в том, что к накопленному опыту классовой борьбы, приведшему к созданию профсоюзов — сложному периоду, — прибавляется научный анализ капиталистического строя и место пролетариата в этом строе. Вместе с тем, вырабатывается отношение пролетариата к различным классам общества, к общественным движениям, взгляд пролетариата на философию, этику и пр. Этот анализ проводится выходцами из буржуазной интеллигенции, сумевшими подняться на голову выше своего класса и поставить беспощадный диагноз судьбе буржуазного класса.

Возникает целостное коммунистическое мировоззрение, верное для всей эпохи существования рабочего класса.

Усложненный период есть третья и вместе с тем высшая веха превращения пролетариата в „класс для себя“. В этот период пролетариат всесторонне познает себя, как класс, и вся его дальнейшая история есть борьба по развернотому фронту за идеалы, воплощенные в нем, как общественном классе.

Усложненному периоду соответствует образование политических партий рабочего класса. Вооруженный марксистскими знаниями, т.-е. высшим самопознанием — пролетариат открывает полосу борьбы за свою политическую власть.

Мы называем этот период усложненным, во-первых, потому, что в этот период усложняется классовое сознание путем соединения опыта классовой борьбы с научными выводами и, во-вторых, потому, что рабочее движение начинает с этого времени распадаться на две больших области организации: профессиональную и политическую.

Между сложным и усложненным периодами лежит еще один замечательный кусок истории рабочего класса: политическое движение — чартизм. Чрезвычайно интересно, что точно так же, как образованию широкой экономической организации рабочего класса—профсоюзов, предшествует образование первичных ячеек и касс взаимопомощи, так и образованию политических партий предшествует политическое движение рабочего класса.

Так в кратких, очень кратких штрихах рисуется нам схема научно-оформленной истории рабочего движения. Основное здесь в том, что различные формы организации рабочего класса рассматриваются нами под углом зрения не только различия в их содержании, но и различия в их историческом „возрасте“ и затем каждый

период рабочего движения, органически связанный со всей историей рабочего движения, рассматривается как следствие предыдущего периода и причина последующего.

Следует также отметить, что специально история рабочего движения XX века со всеми его уклонами потребовала бы значительные и существенные дополнения к приведенной схеме.

СОДЕРЖАНИЕ:

Стр.

1) Задачи научной истории рабочего движения 3

2) Классовая борьба — исходный пункт истории рабочего движения 7

3) Идея развития в истории 22

4) Марксизм—ленинизм и теория рабочего движения . 58

5) Единство истории рабочего движения 90

ИЗДАТЕЛЬСТВО МК РКП(б)
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ"
Москва, Большая Дмитровка, 26.

Варга, Е.—План Дауэса и мировой кризис. 127 стр. 65 к.
Бер, М.—Современная Англия. 88 стр. 50 к.
„Вагранка".—Сборник литературно-художественного кружка при Рогожско-Симоновском райкоме РКП(б). 116 стр. 75 к.
Павлович, М.П.—Химическая война и химическая промышленность. Изд. 2-е дополн. 115 стр. 40 к.
Ярославский, Е.—Ленин и раскрепощение женщины. Изд. 2-е. 5 к.
Клара Цеткин.—Ленин и освобождение женщины. 28 стр. 8 к.
Международный женский коммунистический день. — Статьи т.т. К. Цеткин и Каспаровой. 62 стр. 25 к.
Крупская, Н.—О Ленине. 12 к.
Глебова, Т.—Что сделал Ленин для освобождения женщины. С иллюстр. 45 к.
Портреты К. Цеткин, Н. Крупской, И. Арманд, Каспаровой и Р. Люксембург с краткими биографиями, по 15 к.
Маркс, К.—Отрывки из произведений и писем. 248 стр. 1 р. 20 к.
Куйбышев, В.—Ленин и кооперация. 50 стр. 15 к.
Шумяцкий, Я.—Туруханка. Очерки из жизни ссыльных Туруханского края. 132 стр. 40 к.
Сотников, С.—Мотор-волшебник. Двигатель внутреннего сгорания. История изобретения, устройство и значение его в современной жизни. Популярное изложение. 88 стр. 40 к.

О работе сельских ячеек РКП(б).

Материалы расширенного совещания по работе в деревне при ЦК РКП с работниками мест. 191 стр. 50 к.
Кравченко, А. — Из опыта. К вопросу о методах работы с ленинцами в сокращенных школах политграмоты. 104 стр. 30 к.
Полидоров, С.—Как изучать диалектический материализм рабочему коммунисту. 30 стр. 20 к.
Каменев, Л.—Год без Ильича. Доклад на собрании ответственных партработников в МК РКП(б) 10 января 1925 г. 48 стр. 20 к.
Чужак, Н.—Фетишизм культуры. 80 стр. 35 к.
Содержание: 1. Цели и средства. 2. Пролетарская культура. 3. Бытология.

Крестьянская ленинская библиотечка. — Вып. I. В. И. Ленин о земле и крестьянстве. 64 стр. 12 к.

Вып. II. В. И. Ленин о смычке рабочих и крестьян. 45 стр.

Буров, Я.—Рабочие общества для шефства над деревней. Под редакцией и с предисловием В. Карпинского. 123 стр. 40 к.

Первая Московская губернская конференция по самообразованию (материалы, доклады, прения, постановления). Библиотека бюро самообразования при МК РКП.

Ленин за „Правдой".—Художественно-исполненный портрет Н. Ленина на жести, размером 18 × 25 см. 70 к.

Аросев, А.—Материалы к биографии В. И. Ленина. 31 стр. 15 к.

Первая годовщина.—Сборник статей и воспоминаний о Ленине Бухарина, Крупской, Зиновьева, Кржижановского, Лежавы, Лепешинского, Сталина, Яковлева и др. 357 стр. 1 р. 50 к.

Известия Московского Совета Рабочих Депутатов 1905 года.—Труды комиссии по истории Октябрьской революции и РКП при МК РКП. 123 стр. 60 к.

Ленинский призыв по Московской организации.—Сборник статей и материалов. 107 стр. 60 к.

Ленинизм или троцкизм.—(Сборник статей в защиту ленинизма). Издание 2-е дополненное с приложением „Уроков Октября" Троцкого и его писем к Чхеидзе, Урицкому и Ольминскому. 300 стр. 1 р. 10 к.

Программа и конспекты бесед по курсу сокращенных школ политграмоты.—Составлены Агитпропом ЦК РКП и Агитпропом МК РКП. Вып. 2-й. 141 стр. 35 к.

25-е сентября 1919 года. — Памяти погибших при взрыве в Леонтьевском переулке. Под редакцией Н. Милютиной. С портретами и иллюстрациями. 206 стр. 1 р. 20 к.

Светлов, М.—Корни. Стихи. 79 стр. 45 к.

Издательство МК РКП „Московский Рабочий" ставит своей задачей возможно полное удовлетворение всех запросов на литературу со стороны партийных, профессиональных и других общественных организаций.

Торговый сектор Издательства выполняет заказы как на свои издания, так и на издания всех существующих издательств СССР.

Книги высылаются наложенным платежем по получении задатка в размере 25% стоимости заказа. Пересылка, упаковка и расход по наложению платежа за счет заказчика.

Требования направлять по адресу: Москва, Большая Дмитровка, 26.

3845

Цена 30 коп.